

ВЕРОНИКА
ЛЕСНЕВСКАЯ

Двойня
ДЛЯ БОССА
СТЕРИЛЬНЫЕ ЧУВСТВА

16+

Вероника Лесневская
Двойня для босса.
Стерильные чувства
Серия «НеДетские игры», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67889618

SelfPub; 2022

Аннотация

– Помоги, Стас, – шепчу я умоляюще. – Нам больше не к кому обратиться.– Я похож на мецената? – бросает он небрежно. – У твоих детей должен быть отец, в конце концов! Подай на алименты.– Но... Это ты! Ты – их отец, Стас!– Я не могу иметь детей! И ты знала об этом в ту ночь.– Стас... – всхлипываю я.– Хватит, – чеканит строго. – Я – ваш босс, Алиса Игоревна. Соблюдайте субординацию. И не забывайте, что я женат.***Нас связала одна случайная ночь. Ошибка, после которой мы расстались навсегда. Мы оба считали себя бесплодными, однако произошло невозможное. Я стала мамой двойни, но их отец не знал об этом. Прошло три года, и теперь он – мой босс. Убежденный чайлдфри, помешанный на карьере. А еще... он женат.

Содержание

Пролог	4
Чувство первое	8
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	33
Глава 4	38
Глава 5	60
Глава 6	91
Глава 7	109
Глава 8	116
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Вероника Лесневская

Двойня для босса.

Стерильные чувства

Пролог

– Помоги, Стас, – шепчу умоляюще. – Нам больше не к кому обратиться.

Мужчина гораздо выше меня, поэтому вынуждает смотреть на него снизу вверх. Суровый, правильный, несокрушимый, он подавляет волю одним лишь взглядом – черным, испепеляющим. Но я помню, каким ласковым и трепетным может быть Стас. И от этого еще больнее.

– Я похож на мецената? – бросает ледяным тоном. – У твоих детей должен быть отец, в конце концов! Подай на алименты.

Горько усмехаюсь: если бы он знал правду! Все могло сложиться иначе. Но я не имею права... Или...

Делаю глубокий вдох, собираясь сделать то, о чем обязательно пожалею. Но выбора Стас мне не оставляет.

Видит бог, я не хотела этого, оттягивала момент истины, как могла.

Но сейчас... Я решаюсь на отчаянный шаг. Переступаю

через гордость, предаю свои же принципы.

Ради детей.

– Да, – обреченно выдыхаю. – У них есть отец. И это ты! Ты – их родной отец, Стас! – повышаю голос, готовая впасть в истерику, но мужчина жестом прерывает меня.

Тяжело выдыхает. Укладывает палец на мои приоткрытые губы и, не сдержавшись, мягко проводит подушечкой по нижней. Окидывает меня внимательным взглядом, словно прочитать пытается. Влезть в душу и вывернуть ее наизнанку. Могу поклясться, что в глубине его глаз вижу вспышку сочувствия и... желания. Совсем как тогда, три года назад. Но от нее не остается и следа, как только до мужчины доходит наконец смысл моих слов.

Черты лица Стаса мгновенно ожесточаются. Он сжимает мой подбородок, но тут же убирает руку, словно запрещая себе касаться меня. Сам же отходит как можно дальше.

– Я не могу иметь детей. И ты знала об этом в ту ночь, – стреляет словами, словно пулями, разбивая сердце.

В нашу единственную ночь вместе мы были одержимы страстью и отчаянием. Оба были уверены, что бесплодны, однако судьба преподнесла сюрприз.

Теперь я – одинокая мама двойни. С кучей проблем и остро нуждающаяся в деньгах. Он – примерный семьянин, без детей. Убежденный чайлдфри и одержимый карьерист. По крайней мере, был им до тех пор, пока на горизонте вновь не появилась я.

– Но... – всхлипываю жалобно.

Стас делает еще шаг назад, неумолимо увеличивая расстояние между нами. Борется сам с собой, со своими чувствами. Пытается натянуть маску безразличия и разорвать ту единственную нить, что нас связывает.

Одна ночь против целой пропасти, наполненной нормами морали и предрассудками. Двое ни в чем не повинных детей против недоверия и ненависти.

– Хватит, – произносит Стас ровно, но в его тоне про-скальзывают нотки сомнения. – Я – ваш босс, Алиса Игоревна. Соблюдайте субординацию, – переходит на строгий тон. – И не забывайте, что я женат.

В подтверждение своих слов мужчина неосознанно про-кручивает кольцо на безымянном пальце, словно напоминает о браке. Не мне, нет. После всего, что между нами было... Напоминает самому себе, чтобы не сорваться. Опять.

Потом резко разворачивается и покидает кабинет. Босс никогда не хлопает дверью. Всегда уравновешен и холоден. Но сейчас не выдерживает и закрывает за собой чуть громче, чем обычно.

Мне бы хоть каплю его стальной закалки, чтобы спокойно собраться с мыслями и решить, что делать дальше. Вместо этого я оседаю прямо на пол и содрогаюсь в рыданиях, прикрыв лицо ладонями.

Мне все равно, если войдет кто-то из коллег и увидит меня. Плевать на все и всех. Потому что только что я потеряла

самое главное. Свою последнюю надежду.

Чувство первое

Глава 1

Около трех лет назад

Алиса

«Еду я уже, сколько можно!» – шиплю в ответ на надоедливую трель мобильного.

Какофония автомобильных сигналов, шум трассы, монотонный бубнеж диктора на случайной радиостанции, противный писк светофоров – все это смешивается в один огромный звуковой ком, который взрывается в моей голове.

Кровь стучит в висках. Хочу помассировать их, прикрыть глаза, но вместо этого крепко сжимаю руль и вдавливаю педаль газа до упора.

Телефон затихает, но стоит мне облегченно выдохнуть, как он звонит вновь. Понимаю, что разговор неизбежен. Десятый за последние полтора часа. На секунду отвлекаюсь от дороги и вдавливаю кнопку громкой связи на автопанели. Радио замолкает, вместо нудного ведущего из динамиков ко мне обращается громкий, рванный голос.

– Ты где? – бросает грубо.

– Кольцо проехала, скоро буду, – чеканю отрывисто, дублируя его тон.

– Скоро? Как ни позвоню, ты каждый раз это говоришь, а время идет, – отчитывает меня, словно одну из своих подчиненных. – Перед Андреевым неудобно уже! Десять минут назад мы войти должны были!

– Пропусти тех, кто следующий за нами в очереди, – фыркаю сердито.

– Не могу. Они тоже опаздывают. Безалаберные, как ты!

– Послушай, Глеб! Я ведь объяснила, что меня задержали на работе, а потом эти пробки дурацкие.

В сердцах бью по кнопке сигнала руля, подгоняя замешкавшееся на повороте авто впереди меня.

– Я устала, Глеб, – продолжаю, повышая голос и срываясь на крик, – устала не меньше, чем ты. Для меня это так же важно! Или ты решил, что я специально опаздываю?

Отвлекаясь на разговор, забываю перестроиться на среднюю полосу. Делаю это резко, пересекая сплошную линию. Наверняка прилетит «письмо счастья» со штрафом, но сейчас меня это заботит меньше всего.

Напряженно всматриваюсь в светофор, который горит зеленым. Пока что. Успеть бы проскочить перекресток! Ведь на этом участке пути, попав на красный, придется стоять очень долго.

– Прости, дорогая, – внезапно меняется тон в динамике.

Становится таким добрым и ласковым, что не узнаю его. Ошеломленно смотрю на приборную панель, опускаю взгляд на мобильный, но убеждаюсь: на дисплее все тот же контакт

«Любимый муж».

Последние месяцы стали тяжелым испытанием для нас обоих. Мы забыли о чувствах, променяв их на графики и циклы. Желание иметь полноценную семью превратилось в одержимость, которая норовит разрушить наш союз. Парадокс.

– Все в порядке, милый, – выдыхаю я. – Я люблю тебя, – выдаю давно забытые слова и пробую их на вкус. Пресно.

– И я тебя, – коротко отрезает Глеб и отключается.

Перевожу внимание на дорогу. Гипнотизирую взглядом проклятый светофор и вереницу автомобилей впереди меня.

Я успею. Должна. Каждая минута на счету!

Напрочь забыв об осторожности, выезжаю на перекресток под мигающий желтый. Небрежно вхожу в левый поворот, даже не удосужившись оценить ситуацию.

И только когда мою «Киа» заносит, я замечаю справа внушительных размеров джип, что мчится на всех парах. Прямо на меня. Буквально несколько метров – и он размажет меня в лепешку.

С одной стороны, страшно. Но с другой... В голове поселяется больная мысль о том, что скоро все закончится. Не надо будет бороться, пытаться, страдать. Это станет неважным. И я наконец почувствую облегчение.

Машинально давя на тормоз и панически зажимуриваюсь, отсчитывая последние секунды моей пустой, бесполезной жизни. Двадцать пять лет коту под хвост. Оборвутся –

и то по глупости.

Визг тормозов оглушает. Ожидаю столкновения и удара, но... Ничего не происходит. Только ощущаю сильный толчок от своего же экстренного торможения.

Медленно открываю глаза, выпускаю руль из рук и осматриваюсь. Ищу взглядом тот самый джип, которому меня угораздило выскочить под колеса. Не могла попроще кого-нибудь выбрать? Предвкушаю, какой скандал мне водитель устроит. Заслуженно, однако не вовремя! Я и без него бессовестно опаздываю.

В голову закрадывается предательская мысль скрыться с места происшествия, но тут же отметаю ее, как глупую и опасную. Хватит с меня приключений на сегодня.

Замечаю джип на обочине. На вид он цел и невредим. Опытный водитель успел увернуться от столкновения и предотвратить аварию. Благодаря ему мы оба живы. По крайней мере я, потому что мою «Киа» точно размазало бы по асфальту.

Передергиваю плечами и наблюдаю, как из черного автомобиля выходит мужчина и направляется ко мне. Весь его образ внушает трепет: уверенная походка, ровные волосы цвета вороньего крыла, высокий рост, крепкое тело, на котором идеально сидит строгий костюм темно-синего цвета.

Судя по внешнему виду мужчины, я «подрезала» какого-то бизнесмена или политика. В любом случае человека, обладающего властью и деньгами. И, кажется, мне не поздно-

ровится сейчас...

Незнакомец идет неторопливо, сдержанно, но тем не менее пары широких шагов ему хватает, чтобы пересечь дорогу. Останавливается возле водительской двери, а я тем временем вжимаюсь в кресло, мечтая просочиться сквозь него и исчезнуть. Не дождавшись от меня никакой реакции, мужчина барабанит пальцами по стеклу. Тихо и размеренно. Однако от столь безопасного жеста мне хочется позорно вылезти через пассажирскую дверь и сбежать прочь.

Так, довольно глупостей! Нужно договориться с «пострадавшим». Не убьет же он меня, в конце концов.

Делаю глубокий вдох и выхожу из машины. Невольно сжимаюсь под испепеляющим черным взглядом. Он скользит по мне внимательно, будто оценивает.

– Ясно, – хмыкает мужчина. – Баба за рулем, как предсказуемо.

Его слова звучат холодно, безэмоционально. В них нет ни капли злости, хотя, исходя из ситуации, мужчина должен рвать и метать. И орать на меня во все горло. Но, видимо, такие, как он, предпочитают беречь свои голосовые связки и не тратить их на мошек вроде меня.

– Извините, я... – шепчу испуганно и закашливаюсь.

Чувствую легкое головокружение, покачиваюсь и опираюсь спиной о корпус автомобиля. Гормональная подготовка сведет меня с ума! Если мои первые протоколы ЭКО прошли более или менее нормально, без серьезных последствий для

организма, то нынешний дается мне особенно тяжело.

Неожиданно мужчина берет меня за плечи, не позволяя потерять равновесие, и внимательно всматривается в мое лицо. Его хватка крепкая, но при этом осторожная. Всегда удивлялась и завидовала людям, которые способны в любых обстоятельствах контролировать себя. Я другая: вспыльчивая, эмоциональная, склонная к экспрессивным поступкам.

– Жива? – чуть заметно хмурится мужчина. – Ударилась? Болит что-то?

Волнуется обо мне?

Ловлю себя на мысли, что в данный момент я просто беспардонно разглядываю нового знакомого. Скольжу глазами по строгим чертам его лица, тонким, напряженно сжатым губам, мощной шее, обтянутой воротом белоснежной рубашки и галстуком. Спускаюсь чуть ниже, к мускулистой груди, и борюсь с порочным желанием провести по ней ладонью. Делаю глубокий вдох, чтобы привести себя в чувства, но в этот момент в нос проникает смесь дурманящих мозг запахов: брутальный мужской парфюм, крепкий кофе, легкие оттенки мяты и табака. Окончательно теряю себя от этой близости.

Что со мной? Сама не своя. Готова наброситься на первого встречного.

Во всем виноваты месяцы воздержания, протоколы, неудачные попытки ЭКО и горы гормонов. Я сломалась. Сорвалась в пропасть. И теперь лечу и медленно схожу с ума.

Нервно облизываю пересохшие губы, ловлю на себе быстрый черный взгляд, отчего становится еще более неловко. Упираюсь руками в стальной торс, чтобы оттолкнуть эту железную махину. Но становится только хуже, потому что под ладонями прощупываются рельефы мышц. Все-таки я это сделала, пусть и невольно.

– Я в порядке, – лихорадочно выдыхаю. – В порядке. Извините, пожалуйста, что так вышло. Я очень торопилась и не заметила вас...

Мужчина, убедившись, что я могу стоять на ногах, наконец-то отстраняется. И прячет руки в карманы.

– Красный сигнал светофора тоже не заметила? – производит по-прежнему ровно, хотя в глазах вспыхивает недобрый огонек. – Если бы я не сориентировался вовремя, некуда тебе уже торопиться было бы...

– Понимаю, простите. Но я правда спешу очень, и если бы вы могли...

Договорить незнакомец мне не позволяет. Одним жестом, подняв палец вверх, заставляет меня умолкнуть.

– На «ноготочки» или ботокс? – не выдерживает он и криково ухмыляется.

Мужчина смотрит на меня надменно, с пренебрежением. Видит во мне красивую куклу, у которой на уме лишь салоны красоты. Впрочем, мой маневр на дороге только об этом и вопит. Да и внешность обманчивая: огненно-рыжие волосы, доставшиеся мне от природы, зеленые глаза, опущенные

густыми черными ресницами, пухлые губы, словно и правда накачанные ботоксом.

Я всегда создавала ложное впечатление избалованной, глупой, пресыщенной жизнью красотки. Впрочем, мне это было на руку всюду: на работе, в обществе, среди друзей мужа, который гордился мною и выпячивал напоказ, будто хвастался. Меня подобное отношение не задевало, наоборот.

Однако сейчас... Впервые в жизни мне неудобно и стыдно за свою же внешность, чересчур яркую. Почему-то хочется, чтобы именно этот мужчина, снисходительно взирающий на меня с высоты своего роста, узнал меня настоящую. И убрал ехидную ухмылку со своего волевого лица.

– Что, я не...

Фразу закончить не могу, потому что в горле застревает ком. Презрительное отношение мужчины мне неприятно, но откуда постороннему человеку знать о моих проблемах? Да и не касаются они его.

Пусть думает обо мне что хочет!

– Права купили, а водить научить забыли? Ладно, себя убьешь, так и других же за собой потянешь, – распаляется он. – По-хорошему, вызвать бы ГИБДД и лишить тебя прав к чертям. Жаль, толку от такого наказания мало будет. Одни права «подарили» – еще «подарят», ведь так?

Несмотря на жестокие слова, грубый незнакомец продолжает говорить ровным тоном, не позволяя себе сорваться на крик. Однако лучше бы он наорал на меня, ведь его слова

ранят намного сильнее.

Из всех сил заставляю себя молчать. Мужчина прав в одном: в аварии виновата я. И в моих интересах не злить «пострадавшую сторону». Изображаю покорность и всепоглощающее чувство вины, что явно по душе незнакомцу.

Привык руководить всем, подавлять, уверен в своей правоте. Думает, раскусил и распознал меня в два счета.

Ошибается. Но это неважно. Сейчас главное, чтобы он просто отпустил меня.

– Твое счастье, что я тороплюсь. Действительно по серьезным делам, в отличие от тебя... – подытоживает мужчина.

– К очередной пассивности? – выпаливаю я с обидой в голосе.

Дико ругаю свой ужасный характер. Неужели так сложно было держать язык за зубами? Мы ведь почти договорились, если процесс моего бичевания можно так назвать.

Закусываю губу до боли, чтобы подавить накатившие эмоции и больше ничего лишнего не сказать.

Мужчина окидывает меня непроницаемым взглядом, словно запоминает. Или решает мою судьбу? Она действительно в его руках сейчас. Один его звонок – и мы застрянем здесь надолго. Пока будут выяснять детали происшествия, заполнять протокол, я точно пропущу прием в клинике!

К счастью для меня, незнакомец отвлекается на сигналы проезжающих мимо автомобилей. Мы слишком затянули наше выяснение отношений на оживленной трассе. Мужчина тоже понимает это. Борется сам с собой. С одной стороны,

наказать меня хочет, восстановить справедливость. Но с другой, ему явно жаль тратить свое драгоценное время.

– Не дай бог тебе еще раз попасться на моем пути, – печатывает меня напоследок и уверенно шагает обратно к своему джипу.

Некоторое время пялюсь на огромную мужскую спину и мысленно молюсь, чтобы никогда больше не пересекаться с ним. Подскакиваю на месте от очередного громкого сигнала и спешу скрыться в салоне автомобиля. Дрожащими руками включаю зажигание, но трогаться с места не тороплюсь. Дожидаюсь, пока угрожающий джип вернется на трассу и отправится по своим «серьезным делам» третьего размера, как минимум.

Прошу мироздание, чтобы наши с ним дороги разошлись. Желательно навсегда! Но надежды превращаются в прах, как только черный автомобиль выруливает на дорогу и едет четко в нужном мне направлении, не сворачивая и не перестраиваясь.

Лихорадочно выдохнув, двигаюсь следом. Благо, джип стремительно набирает скорость, так что при всем желании обогнать его не смогу. Буду тихонько тащиться позади. Главное – не привлекать к моей несчастной «Киа» лишнее внимание водителя. Подумает еще, что слежу за ним.

Могу поспорить, что этот грозный, самоуверенный тип точно не направляется туда же, куда и я. Значит, рано или поздно мы с ним разминемся.

– С ума сойти! – ошеломленно шепчу себе под нос, когда джип въезжает во двор и паркуется возле бело-салатового здания.

На фасаде красуется надпись «Центр репродуктивной медицины «Надежда». Рядом – изображение матери, обнимающей младенца. Я так часто бываю здесь, что выучила наизусть все детали логотипа и названия. Но сейчас я смотрю на них будто впервые. И не верю глазам.

Мой «дорожный незнакомец» выходит из машины и пикает сигнализацией, не оглядываясь. А уже через пару секунд поднимается по лестнице и скрывается внутри здания.

«Не дай бог тебе еще раз попасться на моем пути», – бегущей строкой загорается в моем сознании угроза сурового мужчины.

Что ж, извините...

Глава 2

Борюсь со жгучим желанием бросить все и уехать. Спрятаться дома, зарыться в одеяло и сделать вид, что меня больше не существует, а Глебу солгать что-нибудь. И тут же резко осекаю себя. Еще не хватало из-за каких-то заносчивых снобов отказываться от своей цели.

Впрочем, дело ведь отнюдь не в красавце-грубияне, что встретился мне на дороге. Причина в другом: я устала и разбита. Готова опустить руки, но...

Заставляю себя вспомнить, зачем я приезжаю сюда. Изодня в день, из месяца в месяц. Каждый раз переступаю порог клиники с надеждой, а покидаю ее в отчаянии. Снова и снова. Будто застряла в петле времени.

События повторяются по кругу. Узи-мониторинг, целая кипа анализов, что приходится сдавать перед каждым протоколом ЭКО, потому что сроки предыдущих быстро истекают. Гормональная стимуляция, во время которой хочется то убить кого-то, то залюбить до смерти. Мониторинг созревания яйцеклеток. Пункция – и наконец искусственное оплодотворение.

На последнем этапе обычно все и обрывается. После нескольких дней нервного напряжения, томительного ожидания и принятия факта, что где-то там, в бело-салатовых стенах клиники, в специальной питательной среде, а если го-

ворить проще, в пробирке, – решается судьба моих будущих детей.

Но в итоге звучит жестокий приговор. Клетки оказываются нежизнеспособными и прекращают деление. Дальше – ничего. Пустота и в пробирке, и во мне. Ведь до этапа переноса эмбрионов я никогда не доходила.

Андреев, заслуженный врач и опытный репродуктолог, никогда не озвучивал причину неудач. По крайней мере, при мне. Боялся огорчить или лишить надежды? Нервно кашляя, говорил что-то о совместимости, гормональном фоне и эмоциональном настрое. Я чувствовала, что Андреев скрывал что-то или недоговаривал, убеждала Глеба обратиться к другому доктору, перепроверить, но... каждая подобная беседа заканчивалась ссорой. Муж раздражался не на шутку, а я не понимала почему. В последнее время и вовсе начал обвинять меня в неудачных попытках ЭКО, лишь сильнее расковыривая рану.

Я хотела детей. Так сильно, что кровоточило сердце, а мысли целыми днями были заняты только графиком приема гормонов.

Нынешний протокол ЭКО – мой последний шанс. Андреев ясно дал понять, что не возьмется за меня больше. Только спустя несколько месяцев «отдыха». Он и в этот раз упорно настаивал на перерыве: слишком большой риск, много противопоказаний. Мой организм истощен, но воля до сих пор не сломлена. Однако мы с Глебом решили попробовать.

Правда, рисковать буду именно я. Своим здоровьем, но меня оно мало заботит. Зачем мне долгая жизнь, если даже кому-то будет ее посвятить?..

Из тяжелых размышлений меня вырывает телефонный звонок. Очередной. От Глеба. Такой же нервный, громкий и нетерпеливый, как и он сам.

Психанув, отключаю мобильный, стираю слезы с щек и покидаю машину. Уверенной походкой спешу к тем самым стеклянным дверям клиники «Надежда», за которыми недавно скрылся грозный незнакомец.

В приемной здороваюсь с администратором. Он знает меня в лицо, как, впрочем, и все здесь. И это ужасно...

Поднимаюсь на второй этаж, где в коридоре незамедлительно нахожу Глеба. Он прокручивает в руке мобильный, раздраженно меряет шагами пол, но стоит лишь ему заметить меня, как в пару шагов оказывается рядом.

Надеюсь, у него хватит ума и такта не устраивать скандал прямо в коридоре клиники. Судя по играющим желвакам и прищуренным карим глазам, от Глеба можно ожидать чего угодно. Он ерошит короткие каштановые волосы, а потом складывает руки на мускулистой груди. Профессиональный футболист, Глеб всегда был в отличной форме. Отчасти этим мне и нравился. Тогда, шесть лет назад, я без сомнений помчалась под венец с красавчиком-спортсменом. Однако, повзрослев, начала осознавать, что внешность – далеко не главное преимущество настоящего мужчины. Нет, я не жалею о

своим выборе. Просто нам обоим слишком сложно сейчас...

– Алиска, сколько можно ждать! – обращается ко мне нарочито грубо. – Я за... задолбался тут торчать!

В последнее время мы часто ругаемся. Из-за каждой мелочи, но это лишь повод. Главная причина не озвучивается вслух, однако таится за деревянной дверью с серебристой табличкой, на которой значится: «Заслуженный врач-репродуктолог Роман Андреев».

Желая пресечь очередной разгорающийся скандал, я перехожу к главному.

– Глеб, я в аварию на перекрестке попала, – выдыхаю я.

– Что? – скользит по мне взглядом. – Машину не разбила?

– Seriously? О моем самочувствии спросить не хочешь? – обиженно фыркаю.

– Я же вижу, что ты в порядке, – улыбается Глеб и целует меня в щеку. – А за «Киа» мы еще кредит не выплатили, зачем нам лишние проблемы, – бросает невозмутимо, а потом добавляет с раздражением: – Плохо, что так сильно опоздала. Пришлось одного павлина пропустить, буквально за пару минут до тебя явился. Жenuшку забрал, что тут его ждала, – и к Андрееву. Я даже возмутиться не успел.

От его последних слов холодеет все внутри. Я забываю об обидах, потому что мысли заняты другим. Неужели?..

Он? Там? В кабинете врача-репродуктолога? Уверенный в себе черноглазый демон, на пути которого мне противопоказано попадаться? Не может быть! У таких снобов все

под контролем, даже дети. И на процедуру ЭКО подобные мужчины никогда в жизни не пойдут! Это же какой колоссальный удар по самолюбию и чувству собственного достоинства!

Моего Глеба и то уговаривать долго пришлось. Он утверждал, что здоров, а нам всего лишь нужно больше времени. Однако шесть лет совместной жизни – слишком долгий срок.

Вспомнив, как все начиналось, я мгновенно смягчаюсь. Смотрю на мужа с благодарностью и нежностью. Мы столько пережили вместе, но сохранили отношения. Хочу извиниться за опоздание и дерзость, но меня прерывает звук открывающейся двери.

Из кабинета Андреева выходит сексапильная блондинка. Утонченная, молодая, на вид ей лет двадцать. Неужели так рано ребенка захотела? Или муж настоял? Впрочем, не мое дело.

– Медвежонок, давай быстрее, у меня запись в спа-салон, – щебечет девушка, а потом поворачивается к нам. – Ой! – жеманно прикрывает рот пальчиками, демонстрируя вычурный маникюр.

Обычно мне нет дела до кукол, подобных ей, но эту «белую медведицу» почему-то окидываю оценивающим взглядом. Светлые волосы с пшеничным оттенком, имитирующим натуральный цвет, голубые глаза, слегка подчеркнутые тенями, идеальные черты лица, покрытого тонким слоем то-

налки. Макияж дневной, не вызывающий.

Девушка высокого роста, модельной внешности и с идеальной фигурой. Ее хоть сейчас на подиум можно выпускать. В этом брендовом платье цвета карамели. Однако почему-то она не покоряет мировые показы, а «скупает» в центре репродуктивной медицины.

Что-то не вяжется. Впрочем, внешность обманчива, а я нередко ошибаюсь в людях. Может, действительно блондинка созрела для семьи и детей.

– Спасибо, что пропустили нас, – хихикает она вдруг. – Настоящий джентльмен.

Обращается при этом исключительно к Глебу, полностью игнорируя мое присутствие, словно я – невидимка. Улыбается до ямочек на покрытых румянами щеках, закусывает губу и взмахивает ресницами. Слышу рядом с собой приглушенный кашель и незаметно толкаю мужа в бок. Я, конечно, все понимаю: несколько месяцев на голодном пайке, но совесть тоже надо иметь.

Блондинка только сейчас обращает на меня внимание и, будто опомнившись, меняется в лице. Хмыкает и оглядывается назад.

– Ну, Медвежонок! – капризно выкрикивает. Не хватает еще ножкой топнуть.

Пара секунд – и в дверном проеме появляется... мой «дорожный знакомый». Он напряжен и задумчив, в то время как сама блондинка не выглядит расстроенной. Становится ин-

тересно, какой вердикт озвучил им врач. Но одергиваю себя мысленно: нечего нос в чужую жизнь совать.

– Милана, что я говорил тебе? – строго произносит мужчина, не сводя с нее взгляда.

– Да, прости, Стас, – тушется девушка, исправляется поспешно и зовет его по имени. – Поехали? Подбросишь меня в спа-салон? – сводит идеальные бровки домиком.

– Ты же знаешь, что меня ждут в компании, – говорит с ней не как любящий муж с женой, а скорее как суровый отец с непутевой и очень капризной дочерью.

– Ну, пожалуйста, мед... – тянет блондинка, но осекается, вспомнив его предупреждение. – Стас.

Мужчина кивает. Соглашается. Неосознанно, машинально. Потому что именно в этот момент он вдруг отвлекается от жены и смотрит в нашу сторону. И мы... встречаемся взглядами.

Стас. Ему подходит это имя. Впрочем, все лучше, чем «медвежонок».

Невольно отмечаю, что сейчас он совсем другой. Казалось бы, внешне ничего не изменилось: все та же благородная осанка, та же устрашающе-мощная фигура, те же грубые черты лица уверенного в себе мужчины. Но взгляд... С ним что-то не так. Черные глаза будто окаменели. И только при виде меня в их глубине загораются опасные искорки.

На лице Стаса читается удивление с небольшой примесью раскаяния. Он явно не ожидал увидеть меня здесь. При-

знать, это взаимно.

— Роман Александрович ждет вас, заходите! — бойко объявляет Милана, словно боится, как бы ее саму туда еще раз не повели.

— Да-да, идем, дорогая, — спохватывается Глеб, обращаясь ко мне.

Обнимает меня за талию и подталкивает к кабинету врача. В этот же момент блондинка берет под руку своего мужа и тянет на выход. Коридор слишком узкий, чтобы в нем могли разойтись две пары. Поэтому, сами того не ведая, наши половинки сталкивают меня и Стаса лицом к лицу.

— Идем, умоляю тебя, — причитает Милана, пока мы пытаемся разминуться.

Точнее, я пытаюсь. В то время как стальная машина просто перегораживает мне путь и не спешит уступать.

— Опоздаю же, что тогда делать? — не унимается блондинка.

— Все верно, — подаю голос я. — На «ноготочки» опаздывать нельзя, — смотрю при этом не на Милану, а на Стаса.

Произношу свою фразу ровно, невозмутимо, на полном серьезе. Намеренно напоминаю мужчине наш разговор на дороге. И он прекрасно понимает мой намек, хоть и старается спрятать эмоции под каменным панцирем. Лишь изгибает бровь и чуть наклоняет голову набок, будто изучая меня.

— Кстати, надо будет на маникюр записаться, точно! — приложив пальчик к губам, задумчиво тянет Милана.

Только сейчас я начинаю понимать, откуда у Стаса такие выводы по поводу меня. По своей жене всех судит.

– Извини... – проговаривает он сурово.

На секунду я теряюсь: неужели такие, как он, умеют признавать свои ошибки и просить прощения? Но иллюзия испаряется так же быстро, как и возникла.

Покосившись на Глеба, Стас невозмутимо добавляет:

– Извините. За то, что ворвались впереди вас.

И вновь уже знакомое мне невозмутимое выражение лица и легкий наклон головы.

– Мы в расчете, – произношу тихо, практически себе под нос, но могу поспорить, что Стас услышал.

Понимаю это по едва заметной ухмылке. Отвечаю на нее ехидной улыбкой. Я «подрезала» Стаса на дороге, а он меня в очереди к врачу. Мы квиты.

– Да ничего страшного, друг, – бодро отзывается Глеб. – Все туда успеем, – кивает на кабинет репродуктолога.

Муж мой, конечно, не отличается великосветскими манерами, но так странно себя никогда не вел. Наверное, дело в том, что он нервничает перед походом к врачу. Хотя беспокоиться нужно мне: это же мои яйцеклетки на узи считать будут. И приговор выносить.

Напоследок Глеб панибратски хлопает Стаса по плечу, заставляя того нахмуриться и сделать шаг в сторону, подальше от нас. Я даже вздрагиваю от неожиданности. Хватаю мужа за руку и поспешно веду к Андрееву, пока он еще чего-ни-

будь на нервах не вытворил.

На пороге кабинета, прежде чем закрыть дверь, я не выдерживаю и оглядываюсь. Всего лишь хочу убедиться, что мой сегодняшний «раздражитель» ушел и мы никогда больше не встретимся. Но вместо этого перехватываю знакомый испепеляющий взгляд и мысленно даю себе пощечину. Откуда мне было знать, что Стас тоже решит обернуться!

Мгновенно прячу взгляд и скрываюсь в кабинете врача. Замираю, не в силах продолжить путь в свой персональный ад. Ненавистную обстановку знаю до каждой детали. Мельком смотрю на ширму, за которой скрывается гинекологическое кресло и узи-аппарат. И делаю судорожный вдох.

– Солнышко, ну чего ты? Проходи, – почувствовав мою растерянность, ласково шепчет Глеб. – Все хорошо, Алис, – чмокает в висок и подталкивает меня ближе к репродуктологу, что сидит за столом.

Худошавый мужчина средних лет изучает нас обоих поверх очков, жестом указывает на стул напротив, а потом обращается к медсестре:

– Валентина, передайте мне историю Шевченко, – называет нашу фамилию, отчего все внутри холодеет.

Принимает из рук женщины документы, пролистывает их, восстанавливая в памяти анамнез. Но почему-то меня не покидает ощущение, что он просто тянет время. Мы с мужем – «постоянные клиенты» здесь, вряд ли нас можно забыть.

Андреев исподлобья поглядывает на Глеба, а потом обращается ко мне:

– Проходите, готовьтесь к узи, – расплывается в дежурной улыбке, кивая в сторону ширмы, а сам бросает строгий взгляд на медсестру. – Валентина, спуститесь в лабораторию, заберите результаты анализов Ивановых и Оскоминых. Они должны быть готовы.

Понятия не имею, о ком он говорит. Судя по всему, имеет в виду следующих своих пациентов. Валентина медлит и теряется, откашливается недоуменно, а после – все же решается возразить.

– Я могу позже это сделать. У нас же «окно» после Шевченко.

– Валентина! – повышает голос.

Медсестра спохватывается и молниеносно покидает кабинет.

Тем временем я скрываюсь в соседнем помещении, вход в которое отделен той самой злосчастной ширмой, и готовлюсь к узи. Слышу шум воды, сквозь который доносятся перешептывания. И тут же отмахиваюсь: показалось. Андреев лишь моет и дезинфицирует руки перед тем, как принять меня.

Узи проходит быстро и... молча. Врач не произносит ни слова, ничего не комментирует, а лишь хмыкает время от времени. Пытаюсь абстрагироваться, побороть страх, что сжимает мои легкие, но тщетно.

Проведя процедуру, врач оставляет все без комментариев. Лишь когда мы возвращаемся в кабинет, он заявляет:

– Так-с, все хорошо. Десять хороших яйцеклеток, ждем, пока созреют. И готовим вас к пункции. Узи каждый день, – пишет что-то и попутно комментирует. – Так, и гормоны соответствующие добавляем. Да вы и так все знаете. Протокол, наверное, наизусть выучили, – усмехается врач.

От его небрежно оброненной фразы мне становится больно. Я действительно знаю все тонкости и короткого, и длинного протоколов ЭКО. Однако отдала бы все на свете, лишь бы не появляться больше в этой клинике. Вместо этого хочется быть беззаботной беременной, чувствовать, как внутри меня развивается маленькая жизнь. Чтобы в один прекрасный день взять на руки крохотный пищущий комочек – и посвятить ему всю себя без остатка.

Думаю, я могла бы стать неплохой мамой...

Могла бы... Если бы не диагноз: бесплодие смешанного генеза.

Глаза щиплет от выступивших слез, однако я призываю жалкие остатки своих сил, чтобы удержаться от истерики.

– Вы каждый раз говорите одно и то же, но результата никакого, – все же выпаливаю я, поддаваясь эмоциям.

– Оставьте свои упаднические настроения, – строго чеканит доктор. – Что я вам говорил? Эмоциональный фон – немаловажный элемент успеха.

– Все получится, Алис, – берет меня за руку Глеб, прово-

дит пальцами по ладони, а сам многозначительно смотрит на репродуктолога.

Андреев тушует, приподнимает очки и нервно почесывает переносицу. Не глядя мне в глаза, произносит:

– Шансы весьма высоки, – переводит внимание на Глеба. – На этот раз должно получиться, – задумчиво тянет. – До пункции рекомендован полный покой, воздержание, чтобы не спровоцировать преждевременную овуляцию. В остальном придерживайтесь протокола.

Муж едва заметно кивает и в этот же момент крепко сжимает мою ладонь.

Я должна радоваться замаячившей на горизонте надежде, но что-то грызет меня изнутри. Не могу заставить себя успокоиться и поверить в успешный исход ЭКО после двух неудачных попыток. Для меня это нечто на грани фантастики.

Устремляю взор на Глеба, а он ободряюще подмигивает мне. От этого становится немного легче. Наверное, действительно нужно перестать себя накручивать. Отпустить страх и позволить событиям идти своим чередом. И тогда все получится. Ведь так?..

Покидаю доктора с зарождающейся внутри надеждой. Доволен итогом и Глеб, потому что становится заметно нежнее и внимательнее ко мне. Обнимает, хочет поцеловать, но я импульсивно отстраняюсь. За последние месяцы я отвыкла от его близости.

Но все обязательно наладится. Нам всего лишь нужно пережить черную полосу.

Глава 3

Стас

Уверенным шагом направляюсь к автомобилю, слыша рядом поспешное цоканье каблучков. Сажусь за руль и терпеливо дожидаясь, пока Милана займет пассажирское кресло.

Барабаню пальцами по приборной панели и, чтобы скоротать время, опускаю боковое стекло. Скучающим взглядом окидываю унылый, серый двор. До тех пор, пока не цепляюсь за красную «Киа», по-женски криво припаркованную у входа в клинику. И тут же перевожу внимание на здание с надписью «Надежда».

Сознание ведет со мной опасные игры, подкидывая образы и картинки, которые мне абсолютно не нужны. Ни сейчас, ни когда бы то ни было. И все же... Вспоминаю рыжую «самоубийцу», ее широко распахнутые зеленые глаза и чересчур острый язык. А следом – все то, что я наговорил ей на дороге. Дословно.

«Кто же знал», – произношу себе под нос на выдохе.

– Ты что-то сказал, Стасик? – жужжит у самого уха.

– Милана, мы же договаривались, – холодно говорю я, не глядя на жену. – Никаких медвежат и других представителей животного мира, никаких уменьшительно-ласкательных. Просто Стас. В крайнем случае «дорогой».

– Наедине же можно, – касается рукой моего плеча, а я

невозмутимо завожу двигатель. – Оф, скучный, – бурчит себе под нос.

Зато убирает ладонь, покидая мое личное пространство. Боковым зрением замечаю, как она копошится в своей сумочке, находит косметичку и достает зеркальце. Очень вовремя!

– Адрес? – чеканю коротко.

– М-м-м?

Ведет помадой по пухлым губам, придавая им розовый цвет и еще больший объем. От моего голоса ее рука дергается, кисточка соскакивает, оставляя жирный след на коже. Милана цокает недовольно и опять ныряет в бездонную сумочку. Теперь за салфетками.

Знаю, что это может длиться бесконечно, поэтому повторяю вопрос.

– Куда тебя отвезти? Адрес спа-салона твоего назови, – уточняю спокойным тоном, хотя внутри все бурлит.

– Не моего, но от своего я бы не отказалась, – щебечет Милана.

Бросаю на нее предупреждающий взгляд, и она мгновенно тушует. Быстро называет координаты, а сама вжимается в кресло. Трогаюсь с места и надеюсь хотя бы на пару минут тишины и спокойствия. Мне есть о чем подумать сейчас.

Но Милана умело рушит воцарившуюся «семейную» идиллию.

– Я понимаю, ты переживаешь из-за сегодняшних резуль-

татов, — затрагивает болезненную тему, будто специально испытывает мое терпение. — Ничего, будем жить без детей, сколько подобных пар. Так даже проще...

— Милана, довольно, — произношу абсолютно ровным тоном, потому что привык сдерживать свои эмоции, как бы сложно ни было. — Я сдам анализ еще раз, а потом буду решать, что делать дальше. На сегодня разговор окончен.

На моих словах о повторных анализах Милана закашливается и на некоторое время умолкает. Но хватает ее ненадолго.

— Учти, я улетаю через неделю, — хмыкает она. — У меня фотосессия в Риме. Контракт подписан, так что...

Ее наплевательское отношение к нашей общей проблеме меня убивает. Лучше бы играла и лицемерила, как она умеет.

— Ты будешь делать то, что я скажу. И тогда, когда я скажу, — не выдерживаю я, при этом голос не повышаю. Терпеть не могу ругань.

— Ты такой грубый сегодня, — надувает губы Милана, визуально делая их еще больше. — Не надо на мне отрываться. Я же не виновата, что ты бесплоден, — выпаливает на одном дыхании.

Приходится стиснуть зубы до скрежета, чтобы не заорать на нее. Милана чувствует мое настроение, знает, что переступила грань, поэтому мгновенно меняет свой тон.

— Но ты ведь знаешь, что я все равно тебя не брошу. И буду всегда любить, — мурлыкает ласково. Но этот прием давно не

работает.

– Милана, ты не бросишь меня совершенно по другой причине. Любовь здесь ни при чем, – криво ухмыляюсь. – И мы оба это знаем.

Выезжаю на тот самый перекресток, где пару часов назад чудом удалось избежать аварии. Внутри что-то противно скребет.

Интересно, что именно привело ее в клинику? И какой результат у нее? У них. С мужем – напоминаю сам себе и крепче сжимаю руль.

– Родители сегодня ждут нас на ужин, – заявляет Милана после паузы. – Соскучились...

Намеренно бьет намеками. Мы оба понимаем, что ужин – это ширма. И никому из наших семей он не нужен.

– Я на работе допоздна, – лгу нагло.

Паркуюсь возле спа-салона, с облегчением наблюдаю, как Милана покидает автомобиль и цокает к зданию. Спешит, как к любовнику. Словно это ее единственная отрада и смысл существования. Разве что кроме фотосессий и показов.

Моя жена слишком легкомысленна и избалована. И дело не в возрасте. Однако выбирать не приходится. Мы удобны и полезны друг другу. Что касается любви, то к ней я никогда не стремился. У меня иные цели в жизни.

Стоит Милане скрыться за стеклянными дверями, разрисованными вычурными узорами, как я обессиленно роняю

голову на руль. Я морально выжат за эти дни. Накапливаю переживания и страхи, привычно скрывая их под маской безразличия. И это разрушает меня изнутри.

Идея завести детей изначально принадлежала мне. Мне хотелось иметь хотя бы подобие полноценной семьи. Нечто большее, выходящее за рамки брачного контракта.

Маленькая слабость, которую я решил себе позволить. Однако сейчас я начинаю сомневаться, что это была хорошая мысль. Но и отступать не в моих правилах.

Глава 4

На следующий день

Алиса

– Больше ничего заказывать не будешь? – сквозь шум в ушах доносится до меня голос Лили.

Мы сидим за круглым столиком в небольшом, но уютном кафе-кондитерской. Оно расположено рядом с издательством, где мы обе работаем переводчиками. Так что обеденное время традиционно коротаем здесь.

Передо мной – стакан с водой, ведь мне рекомендовано употреблять больше жидкости. Протираю пальцами запотевшее стекло и поднимаю взгляд на шатенку, что расположилась напротив и не сводит с меня серых миндалевидных глаз.

– Лиль, мне же ничего нельзя, – обвожу жадным взглядом витрину с тортами, пирожными и сдобой. – Белковая диета. Никаких углеводов...

– Ох, мучаешь себя, – сочувственно охает она. – Как дела у вас там... ну, ты понимаешь...

Лиля – моя близкая подруга, поэтому одна из немногих в курсе нашей с Глебом проблемы. Она – человек, которому я могу выговориться, мой «персональный» психолог и заодно жилетка, чтобы поплакаться. Без нее я, наверное, давно бы сошла с ума.

– Третий протокол сейчас идет, – рассказываю чуть слыш-

но, потому что стыжусь самого факта ЭКО. – Надеюсь на лучшее...

– Все-таки решилась на третий? После двух провалов? В той же клинике? – киваю в ответ на каждый ее вопрос. – Так, может, тебе клинику сменить? – с вызовом бросает Лиля, а потом подается ближе и добавляет шепотом: – Или мужика? – подмигивает игриво.

Демонстративно закатываю глаза, но обижаться на подругу не могу. Лилия никогда не отличалась тактичностью, говорила в лоб все, что думает. Я привыкла к ее манере общения и знаю, что она поступает так не со зла.

Мы с Лилей знакомы с университета. Вместе учились на филологическом, мечтали стать переводчиками. А еще выйти замуж по любви. Я со всеми пунктами справилась. Кажется. Но Лилия с любовью всей своей жизни пока не определилась. Она серьезно подходит к этому вопросу. Не то что я: в омут с головой.

– С «мужиком» все в порядке, – шиплю я. – Мы только вчера получили результаты очередных анализов. У Глеба показатели только улучшились. Вообще идеально все теперь, – выдерживаю паузу. – Значит, дело только во мне. Другой бы на его месте не возился даже. И вряд ли пошел бы на ЭКО. А Глеб все процедуры перенес. Оплачивает самостоятельно, хотя «удовольствие» не из дешевых. Я бы с зарплатой переводчика и на одно ЭКО не наскребла. Муж поддерживает меня, клинику сам искал по отзывам. Лучшего врача. Все

делает, но пока что впустую... Из-за меня, – откашливаюсь, чтобы скрыть дрожь в голосе. – При этом не попрекает даже. Ну, почти...

– Тогда дело в клинике, – перебивает резко. – Не смей себя обвинять! Хорошие врачи чудо сотворить могут. Видимо, этот... Андреев – не твой доктор, вот и все. Другого надо.

– Я думала об этом. Но считается, что вести протоколы должен один врач, – повторяю то, что слышала от Глеба. – Выявлять проблемы, причины неудач, корректировать гормональную терапию. И тогда больше вероятность успеха. Андреев изучил мой организм в совершенстве. Заверяет, что на этот раз шансы высоки, – слегка улыбаюсь.

– Дай бог, – выдыхает Лиля. – А если не получится, продолжишь себя истязать?

– Я детей хочу, Лиль. Вот только после третьей попытки перерыв надо большой делать. Меня ни одна клиника сразу не примет в протокол. Организм истощен, восстановиться должен. Андреев после второго на перерыве настаивал, но Глеб уговорил его, – говорю о наболевшем. – По сути, сейчас мой последний шанс. Чем больше протоколов, тем ниже процент успеха.

Делаю большой глоток воды, чтобы не расплакаться.

– Сколько ты уже мучаешься с этими ЭКО? – берет меня Лиля за руку.

– Несколько месяцев, – тихо произношу, но, поймав скептический взгляд подруги, исправляюсь: – Полгода. Но там

короткие «передышки» были между протоколами. Правда, препараты принимала постоянно.

– И все это время вы с Глебом ни-ни? – многозначительно приподнимает бровь.

– Нельзя же. Если преждевременную овуляцию спровоцировать, то клетки будут потеряны. Считай, все зря, – объясняю Лиле, а сама думаю лишь о том, что лучше бы не знала всех тонкостей и никогда бы не сталкивалась с подобным. – Да и не хочется. Ни капли желания нет. Я устала очень.

– Хм, тогда не удивляйся, если Глеб будет еще чаще пропадать где-то и «мячи гонять» на стороне, – фыркает она.

Подруга откидывается на спинку стула и невозмутимо втыкает вилку в свое пирожное, разламывая его на части. Лиле никогда не нравился Глеб. Она твердила, что он ветреный и несерьезный. Что такой красавчик-спортсмен всегда будет востребованным у женщин и ни одной фанатки не упустит. Да и сам факт, что Глеб, как выражалась подруга, «подцепил» меня в ночном клубе, якобы о многом говорит.

Однако для меня мнение Лили не имеет значения. Я чувствую, что муж любит меня. Сейчас, в трудное для нас обоих время, он только подтверждает это.

И уж точно я не ревную его к спорту. Глеб – профессиональный футболист, так что тренировки и сборы являются неотъемлемой частью его карьеры.

Лишь однажды я на эмоциях пожаловалась подруге, что между протоколами, когда присутствие мужа не нужно, я

практически не вижу его дома. Пришло время мне пожалеть о своем длинном языке.

– Лиля, довольно! – взрываюсь я. – Глеб никогда даже повода не давал в его верности усомниться! Он любит меня! И деньги зарабатывает, как может, ради нас.

– Прости, не хотела обидеть, – испуганно хлопает ресницами подруга. – Элис, я за тебя переживаю, правда. Поэтому ляпаю, не подумав.

Тем временем я нервно смотрю на наручные «умные» часы с фитнес-браслетом. Подарок Глеба. Он сам подобными пользуется, чтобы следить за своим пульсом, давлением и... Признаться, я забыла все «примочки», о которых мне с воодушевлением рассказывал муж. Мне эти часы нужны исключительно для того, чтобы время знать. И, честно говоря, я бы с радостью променяла их на изящные женские. Однако любимого обижать не хочется. Старался ведь, выбирал, хотел как лучше...

– Мне пора, – поднимаюсь из-за стола.

– Обиделась все-таки? – сокрушенно тянет Лиля и следует моему примеру. – Извини, пожалуйста! Ну ты же знаешь меня, дуру. Язык без костей...

– Так, остановись, Лиль, – усмехаюсь я, прощая подруге все ее слова. – Я правда спешу. У меня узи каждый день. Через полчаса надо в клинике быть.

– Ты помнишь, что у нас планерка после обеда? Внеочередная и очень важная? – прищуривается подруга, а я обре-

ченно вздыхаю. – В издательство на днях много заказов на переводы поступило. Так что сегодня нас ждет раздача заданий и заодно... «люлей». И, кажется, я знаю главного претендента на последнее.

– Уф-ф, Лиль, я должна успеть! – в который раз поглядываю на часы. – Прикрой меня, если что.

– Да в смысле? Как? Я сама начальства боюсь, – пыхтит она.

– Не волнуйся, я успею, – говорю я, но сама себе не верю. – Если что, я отравилась. Могу же я отравиться?

– Пф, для нашего цербера даже смерть не является уважительной причиной, чтобы планерку пропускать, – хохочет Лиля. – Ладно, прикрою. Рискуя жизнью, – демонстративно касается лба тыльной стороной ладони.

Собираюсь съязвить в ответ, но отвлекаюсь на гудящий мобильный. Бросаю взгляд в окно и замечаю подъехавшее к кафе такси.

– Все, теперь точно пора, – хватаю сумку-рюкзак и легкую спортивную куртку.

Сегодня я одета удобно и относительно повседневно, потому что без личного автомобиля шлепать по слякоти в платье и на каблуках не очень хочется. А джинсы, пусть и брендовые, и модные кроссовки на танкетке не так жалко.

– Такси? – удивляется Лиля, заметив машину. – А что с «Киа», которую тебе Глеб в кредит взял? Неужели кокнуть умудрилась?

– Нет, но... Пыталась, – прячу взгляд. – Чуть в аварию не попала вчера. Так что машину муж изъяс. Ради моей безопасности.

«И из-за невыплаченного кредита», – добавляю мысленно, но вслух не озвучиваю. С Лилей, как в американской полиции: «все, что вы скажете, может быть использовано против вас». Точнее, в данном случае против Глеба.

Поспешно чмокаю подругу в щеку и вылетаю из кафе, панически боясь опоздать. Однако, к моему удивлению, в клинике оказываюсь быстрее, чем я ожидала. По инерции залетаю в знакомые двери, поднимаюсь по лестнице, останавливаюсь у нужной двери и опускаю взор на циферблат часов. До приема еще десять минут. Зря торопилась, только запыхалась – и сейчас мне катастрофически не хватает воздуха.

Пытаюсь ослабить ворот кофты, но не помогает. Оттягиваю шерстяную ткань, царапая себе горло. Ощущаю, как капелька пота стекает к ложбинке груди. Хочется вовсе стянуть с себя одежду и залезть под холодный душ, потому что все тело охватывает жаром. Со мной случалось подобное пару раз: я едва не теряла сознание из-за гормональных скачков. Но сейчас мне особенно плохо: кровь стучит в висках, легкие сдавливают тисками, а тело немеет.

Опираюсь спиной об стену и медленно оседаю на пол, но себя контролировать не в состоянии. Перед глазами все плывет и летают серые мушки. Думаю лишь об одном: только бы не повредить ничего, когда падать буду. Особенно живот

с «драгоценными» во всех смыслах яйцеклетками. Успокаиваюсь, только когда оказываюсь в чьих-то крепких объятиях. И окончательно проваливаюсь в пустоту.

– Вашей жене плохо? – пробивается женский писк в мое затуманенное сознание.

Ощущаю себя так, будто с разбега нырнула в воду с высокого пирса. Едва не достигла дна и только сейчас медленно поднимаюсь к поверхности. Но самое страшное, что мне не хочется всплывать.

– Она не... – раздаётся над самым ухом. – Неважно. Помогите ей, – звучит не как просьба, а как приказ. Тонем, не терпящим возражений, от которого мурашки по коже.

Этот хриловатый баритон с грубоватыми повелительными нотками кажется мне смутно знакомым. Пытаюсь понять, где я его слышала, и параллельно прийти в себя, как в мой нос врывается резкий противный запах. Напоминает какой-то химикат, только в сотни раз хуже. Зато сознание мгновенно проясняется.

– Фу, – морщусь я и машинально отворачиваюсь от источника невыносимой вони.

Утыкаюсь лицом в чье-то плечо, провожу носом по грубой ткани пиджака, делаю вдох и... Узнаю приятный мужской аромат. Кофе, мята, едва уловимый табак... Мое сердце ускоряет бег, намереваясь выскочить из груди, а я ошеломленно распахиваю глаза. Очень медленно отстраняюсь, будто

любое мое неверное движение может спровоцировать взрыв. И растерянно поднимаю взгляд на «спасителя», в чьих руках мне непозволительно тепло и уютно.

Взываю ко всем богам: только бы это оказался не...

– Стас? – выдыхаю со стоном.

И без того черные глаза мужчины стремительно темнеют. Он явно удивлен, что я знаю его имя, а ведь это простая случайность. Не хотела запоминать, но оно само врезалось в мозг. Как вирус.

– Ты как? Тебе уже легче? – выдавливает из себя Стас привычно спокойным тоном, а я лишь слабо киваю.

Мы вдвоем сидим на стульях прямо в коридоре клиники. Вокруг снуют другие пациенты, искоса поглядывая на нас. Но почему-то мне нет до них никакого дела. Словно никого больше не существует. Только я и загадочный мужчина, который слишком часто и неожиданно врывается в мою жизнь.

– Напугали вы мужа своего, – усмехается медсестра рядом с нами.

– Он мне не... – закашливаюсь внезапно. – Неважно, – отмахиваюсь. – Все прошло, я в порядке.

Поворачиваю к женщине голову, замечая в ее руках нашатырь и вату. Вот чем меня в чувства привели. Интересно, сколько времени я провела без сознания? В обнимку с посторонним мужчиной, который и сейчас отпускать меня не спешит. Придерживает за плечи бережно, но крепко, словно я рассыплюсь, если отпустит. Скользит взглядом по моему

лицу, вгоняя меня в краску.

Медсестра, убедившись, что я окончательно пришла в себя, уходит по своим делам. Оставляет нас со Стасом, отчего становится еще более неловко. Спешу высвободиться из чужих рук и осознаю, что должна успеть на прием к Андрееву.

Ойкаю встревоженно, отталкиваю мужчину и рывком поднимаюсь. На секунду теряю равновесие, оступаю, но Стас мгновенно оказывается рядом и подхватывает меня за талию.

– Осторожнее, – недовольно отчитывает меня он. – Беременна? – зачем-то уточняет.

Какое ему дело? К чему подобные вопросы? Мы ведь никто друг для друга.

– Что? – лепечу я. – Нет. Пока что... И вообще, это вас не касается.

Стас смотрит на меня напряженно, хмурит брови и... Сжимает мою талию. Замираю и не знаю, как поступить. Надо бы нахалу пощечину залепить за то, что руки распускает. Женатый мужчина, а ведет себя как бабник! С другой стороны, он помог мне только что. Может, я себя накручиваю? Выдаю желаемое за действительное.

С ужасом признаюсь сама себе в том, что мне приятна его близость. И забота. И пристальный взгляд, что будто в самую душу проникает.

– Шевченко, – раздается за спиной голос Андреева.

Вздрагиваю от неожиданности и сбрасываю с себя горячие

ладони Стаса.

— Моя очередь, — поясняю и тут же осекаюсь: я ничего ему не должна. — Спасибо, — бросаю из вежливости. — И прощайте, — намеренно выбираю это слово.

— До свидания, — задумчиво тянет Стас, но выражения его лица я не вижу.

Поворачиваюсь к мужчине спиной и скрываюсь в кабинете врача, на секунду даже забывая о том, как ненавижу и боюсь это место.

Страх возвращается, когда я оказываюсь на узи. В панике дожидаясь окончания процедуры и вердикта врача.

— Все идет по плану. «Созреваем», — сообщает Андреев.

Расслабленно выдыхаю. Чувствую облегчение, словно камень срывается с моей души и со свистом ухает вниз, раскалываясь на части. Но знаю, что продлится мое относительное спокойствие ровно до следующего визита к репродуктологу.

Врач диктует данные о моих клетках медсестре, которая на этот раз присутствует на протяжении всего приема. Потом вздыхает устало, снимает очки и потирает переносицу.

— Завтра жду вас в это же время, — чеканит Андреев, обращаясь ко мне. — В последние дни перед возможной овуляцией нужно быть особенно осторожными и внимательными. Не пропустить момент.

И быстро выпроваживает меня. Кажется, когда я с Глебом, Роман Александрович принимает нас более сосредоточенно и скрупулезно. Надо с мужем приезжать все-таки. Будь он

рядом, мне удалось бы избежать многих неловких моментов. В том числе и Стаса...

– Берегите себя, – тихо обращается ко мне медсестра, когда я открываю дверь.

Оглядываюсь, ловлю на себе ее сочувственный взгляд, перевожу внимание на напряженное лицо врача – и сбегая из кабинета. Жалость – это последнее, что мне сейчас нужно.

Обидно осознавать, что эти люди осведомлены, какая я неполноценная. Воспринимают меня как попавшего под машину щенка с перебитыми лапами. Усыпить жалко, но и помочь сложно.

Все-таки сдаюсь и начинаю плакать. Мне остро не хватает Глеба сейчас. При муже я обычно держу эмоции под контролем, не позволяю себе скатиться в истерику: он не выносит подобного, заводится с полуоборота и психует.

Сейчас же никто и ничто не может остановить моих слез. Всхлипывая, спускаюсь по лестнице, покидаю давящие стены клиники.

Оказавшись на улице, вдыхаю свежий, пропитанный запахом дождя воздух. И тут же вздрагиваю от резкого порыва ветра, пронизывающего до костей. Погода такая капризная и непостоянная, как я под дозой гормонов. Задираю голову и устремляю взгляд в пасмурное небо: опять будет дождь. Успеть бы добраться на работу до того, как он обрушится на землю, превращая дороги в грязное месиво.

Вечером из издательства меня заберет Глеб. Чмокнет в

висок, спросит дежурное: «Как дела?» – и абстрагируется, пропуская мимо ушей ответ. Мы вернемся домой, поужинаем вместе и разойдемся по разным комнатам. Интим нам противопоказан, а просто засыпать рядом – мучение для Глеба. Холод и одиночество – мои привычные спутники каждой ночью. И влажная от слез подушка наутро. Но все изменится. Скоро...

Вытираю соленые дорожки с раскрасневшихся щек, ощущаю внутреннее опустошение и... чей-то пристальный взгляд на себе, от которого становится жарко в области солнечного сплетения. Контраст температур на мгновение дезориентирует. Боюсь опять упасть в обморок, поэтому делаю очередной вдох и тянусь в сумочку за мобильным. Надо срочно вызвать такси и...

Настойчивая вибрация выбивает из головы жалкие остатки здравого смысла. Едва не выпускаю из рук телефон, но в последний момент хватаю его за брелок, представляющий собой маленький пушистый хвостик, похожий на лисий. Не мой стиль, но... подарок Глеба.

Взглянув на дисплей, расстраиваюсь еще больше. Все-таки я не успела на планерку, и начальство наверняка негодует.

– Ты долго еще? – заговорщически шепчет Лиля, стоит мне поднять трубку. – Цербер рвет и мечет. Если что, ты в туалете, – на этом заявлении я нервно откашливаюсь. – Уж прости, я запаниковала.

Непосредственность подруги вызывает у меня теплую

улыбку. Думаю, не только она запаниковала, но и сам шеф, когда на планерке ему озвучили столь «радостную» новость.

– Я уже еду, – лгу нагло, ведь даже такси не успела вызвать.

– Смотри мне, – цедит подруга. – Даже при самом сильном «отравлении» времени у тебя немного, – и отключается.

Судя по шуму и голосам на фоне, Лиля звонила прямо с планерки. Рисковая девушка. Всегда была такой.

Спускаюсь с крыльца клиники и на ходу набираю номер службы такси. Приятный, но механический голос девушки-оператора приветствует меня по заданному шаблону, спрашивает адрес и спустя пару минут называет время прибытия машины.

– Через двадцать минут? – сокрушаюсь я и пугаюсь своего же громкого голоса. – Серьезно? Нет, спасибо.

Шумно фыркаю, сжимаю губы и зажмуриваюсь, готовая вновь расплакаться. Все сегодня против меня! Даже такси.

– Подвезти? – доносится откуда-то сбоку, и от неожиданности я едва не подпрыгиваю на месте.

*

Не сразу решаюсь повернуться на источник звука, заранее зная, кем он окажется. Понимаю, насколько глупо выгляжу сейчас, смущенная и растерянная. С трудом подавляю вырывающийся из груди стон. В конце концов, не замуж же меня зовут!

Поднимаю подбородок и с напускным равнодушием смотрю на мужчину, который окликнул меня.

Я не ошиблась.

Стас. Медленно движется ко мне. Крадется, словно черная пантера, приметившая свою жертву. Непроницаемый, уверенный в себе, по пути он прокручивает на пальце брелок от бессменного джипа.

Почему Стас не уехал? Зачем дождался меня? Или это не более чем совпадение?

– Нет, я на такси, – рывкаю резко, желая оборвать запретную связь, что внезапно появилась между нами и крепнет с каждой минутой.

– Мне показалось, ты опаздываешь, – он останавливается, невозмутимо сканирует меня, не демонстрируя никаких эмоций.

– Вам показалось, – намеренно выделяю интонацией слово «вам», проводя между нами невидимую границу.

Стас пожимает плечами, кивает и молча возвращается к своему джипу. Хорошо, что настаивать не стал. Ведь так?

Я должна радоваться тому, как быстро избавилась от опасного мужчины, который преследует меня повсюду. Но взамен чувствую необъяснимую пустоту внутри.

Набираю номер другой службы такси, слышу протяжные гудки. Один, два... Нет ответа. Да еще и первые капли дождя срываются с неба и летят на дисплей телефона, растекаясь крохотными лужицами.

Не выдерживаю и снимаюсь с места, желая догнать Стаса. В сложившихся обстоятельствах он – мое единственное спа-

сение. Придется отбросить сомнения и гордость.

– Стас, – зову сипло.

Мужчина оглядывается, чуть наклоняет голову набок и ухмыляется победно. Но не цепляет словами. И не ждет, что буду просить прощения за поспешный отказ или умолять о помощи. Вместо этого молча распахивает передо мной пассажирскую дверь. Жестом приглашает внутрь.

Приближаюсь осторожно, и каждый шаг дается мне все тяжелее. Боюсь. Нет, не Стаса, а скорее тех эмоций, которые он пробуждает во мне.

– Я оплачу, – выпаливаю я, оказавшись вплотную к мужчине.

Надо же было такую глупость сказать! Почему бы сразу пару сотен из кошелька не достать? И на чай не забыть оставить? Бизнесмену на джипе. Отличная идея!

Ожидаю, что Стас разозлится. Но вместо этого он изгибает бровь, прищуривается и, кажется, едва сдерживает улыбку. Думаю, она была бы ему к лицу. Я бы взглянула. Вздыхнув, ругаю себя за неуместные мысли.

– Исключено, – осекает он меня, возвращая себе серьезный вид. – Таксистом я еще не подрабатывал!

Не в силах вымолвить ни слова, поспешно скрываюсь в салоне автомобиля. Устраиваюсь в чересчур просторном для хрупкой меня кресле, вжимаюсь в спинку и нервно кручу в руках мобильный, теребя пальчиками несчастный брелок-хвостик. Молюсь, чтобы мне не пришлось пожалеть о

том, что я согласилась принять помощь малознакомого мужчины, который как раз садится рядом.

Мы так близко. В замкнутом пространстве...

Вижу, как на улице усиливается дождь. Крупные капли барабанят по лобовому стеклу, и Стас тут же включает «дворники».

– Тебя как зовут? – спрашивает он как бы между прочим, а сам тем временем проворачивает ключ зажигания.

– Алиса, – выдыхаю я.

Он мягко трогается с места и выезжает со двора, оставляя позади проклятую клинику.

– Тебе подходит, – проговаривает Стас ровным тоном, не отвлекаясь от дороги. – Рыжая лиса Алиса, – добавляет себе под нос.

– Просто Алиса, – бурчу я.

– Что ж, просто Алиса, – чеканит он, как на собеседовании. – Ты одна сегодня? – уточняет очевидное.

– Да, – мямлю тихо и спешу оправдать Глеба. – Муж, – акцентирую внимание на этом слове, словно сама себе напоминаю, – занят очень, поэтому не смог подвезти. А за руль меня не пускает. После вчерашнего, – опускаю голову.

Зря я сказала это. Лишний раз напомнила Стасу о нашей стычке.

– Вот это правильно, – хмыкает он, по-прежнему не смотря в мою сторону, и внезапно мрачнеет. – Извини за то, что произошло на дороге. Я был... не прав по поводу тебя.

Чувствую, как сложно даются ему последние слова. Мужчина явно не привык просить прощения.

– Извини, что чуть не убила нас обоих, – парирую я.

– Мы в расчете? – Стас в точности повторяет мою же фразу, сказанную ему вчера.

Буквально на мгновение устремляет на меня прищуренный взгляд и, дождавшись моего растерянного кивка, возвращается к дороге.

Между нами повисает неловкая пауза. Замечаю, что мужчине комфортно ехать в тишине. Я же тем временем ерзаю в кресле, покусываю губы, пока наконец сама не завожу разговор. Задаю некорректный вопрос, который волнует меня с момента нашей первой встречи в клинике.

– Что привело тебя сюда, Стас?

Не надеюсь на ответ, однако мужчина отзывается молниеносно.

– То же, что и многих клиентов репродуктивного центра, – его тон холодный. – Желание иметь детей.

– И? – слетает с моих губ прежде, чем приказываю себе заткнуться.

– Как часто бывает, наши желания расходятся с нашими возможностями, – спокойно продолжает он, при этом смотрит в боковое зеркало и идет на обгон.

– Настолько все безнадежно? – осмелев, устремляю взор на волевой профиль мужчины.

– С моей стороны шансов ноль, – признается Стас невоз-

мутимо, увеличивая скорость.

– Может, анализ ошибочный.

Заткнись, Алиса! Умей вовремя остановиться!

– Клиника одна из лучших, лаборатории я доверяю. Но...
– откашливается внезапно. – Все может быть. Посмотрим.

Удивляюсь, насколько открыто и безэмоционально Стас говорит о весьма щепетильном для любого мужчины вопросе. Он уверен в себе и плевать хотел на мнение окружающих. Поставил перед собой цель – и сделает все ради ее достижения.

Но, к сожалению, порой обстоятельства оказываются сильнее даже самого сурового характера.

Подозреваю, что Стас прибыл в клинику сегодня как раз для того, чтобы пересдать анализ. Такие, как он, не отступают с «поля боя», а борются до последнего вздоха. Однако уточнять не решаюсь. Я и без того засыпала его «неудобными» вопросами. Не понимаю, почему меня так тянет узнать о незнакомце как можно больше...

– А ты, А-Лиса, – Стас как-то по-особенному произносит мое имя, отчего кожа покрывается мурашками. – Почему ты здесь?

– ЭКО, – стараюсь говорить так же ровно, как и он, но голос предательски срывается. – В третий раз. Естественный цикл, короткий протокол и вот, наконец, длинный протокол, – загибаю пальцы, при этом ругаю себя за излишнюю откровенность. – Я все уровни прошла, – усмехаюсь горько. –

Это мой последний шанс, больше нет вариантов. Ах да, и... причина во мне, – добавляю с дрожью в голосе.

– Все будет хорошо, – скупно выжимает из себя банальную фразу, в которую мы оба не верим.

– Прости, – качаю головой. – Зря я начала этот разговор. Не понимаю, почему вообще рассказываю все тебе.

– Эффект случайного попутчика, – выдает Стас, мастерски входя в поворот.

– М-м-м? – мычу недоуменно.

– Мы с тобой как пассажиры в поезде, – приподнимает один уголок губ. – Встретились, пообщались, после чего расстанемся и больше никогда не увидимся. Ты подсознательно понимаешь это, поэтому и открываешься. Незнакомому человеку порой излить душу легче, чем самому, казалось бы, близкому.

– Наверное, ты прав, – соглашаюсь я и отключаю внутренний стоп-кран. – Твоя жена хочет детей?

– Кхм, что? – Стас явно удивлен столь дерзкому вопросу.

– Мне показалось, что она... ну... – лепечу растерянно, – не совсем готова к такой ответственности.

– Ничего, подготовится, – отчетливо слышу стальные нотки.

– Тебе не кажется жестоким заставлять ее? – хмурюсь я, вспоминая его легкомысленную жену: о каких детях может идти речь? – Думаю, на такой серьезный шаг оба должны идти сознательно.

Стас не отвечает. Слышу только его сбивчивое дыхание.

– Приехали, – бросает небрежно, паркуясь возле издательства.

– Спасибо, – шепчу виновато.

Стас пожимает плечами, заменяя равнодушным жестом привычное «пожалуйста». При этом старается не смотреть на меня.

Все-таки наговорила лишнего, когда следовало держать язык за зубами. Впрочем, какая разница? Сейчас я открою дверь, выйду из машины – и мы со Стасом больше не увидимся. Разве что пересечемся в коридоре клиники и сделаем вид, что не знаем друг друга.

Полная решимости, толкаю дверь и выставляю ногу на мокрый асфальт.

– Уверена, что нормально себя чувствуешь, чтобы идти на работу? – интересуется Стас внезапно, и в его вопросе звучит забота. – Может, домой подвезти?

– Нет, я в порядке, – уверяю я, хотя у самой опять кружится голова.

Однако рабочий день и роковую планерку, которая может стать для меня последней, пропустить я не имею права. Покидаю машину, ежась от пронизывающего холода, царящего на улице. Собираюсь уйти, но что-то заставляет меня оглянуться.

– Удачи тебе, Стас, – искренне желаю я.

– И тебе, А-Лиса, – тянет он задумчиво.

Стоит мне захлопнуть дверь и сделать пару шагов, как джип тут же срывается с места. Зачем-то оборачиваюсь и смотрю ему вслед, пока он не скроется за поворотом.

«Эффект случайного попутчика», – вспоминаю фразу Стаса. А ведь мне действительно стало немного легче.

Глава 5

Сутки спустя

Алиса

Мысленно считаю до десяти... Двадцати... Сбиваюсь, прикрываю глаза и задерживаю дыхание. Отдаюсь во власть внезапно накатившей апатии, иначе просто сойду с ума. Делаю все по инерции: киваю Андрееву, даже не вникая в его скупые фразы и непонятные хмыкания, встаю с кресла, привожу себя в порядок, покидаю узи-кабинет – и машинально следую за стол, где терпеливо ждет Глеб.

Сегодня он рядом: сам вызвался подвезти. Правда, его присутствие ни капли не успокаивает.

Муж берет меня за руку и на протяжении всего времени, что говорит врач, водит большим пальцем по моей ладони. Немного нервно, но ласково. С подозрением покосившись на наши сплетенные руки, ловлю взгляд Глеба. Он улыбается мне тепло и подмигивает ободряюще. А после... целует в щеку при всех.

Его внезапный приступ нежности только настораживает меня сильнее. Жизнь с Глебом незаметно для нас обоих превратилась в механику и рутину. Я надеялась, что появление малыша изменит что-то, но... Не судьба.

И сейчас, когда муж продолжает сминать мою ладонь, я думаю лишь об одном: он провинился где-то или что-то за-

думал.

Другой вариант – Глеб жалеет меня. Ведь примерно так обычно поддерживают безнадежного больного.

Сердце резко подскакивает в груди, с размаха ударяется в ребра – и тут же затихает, ведь доктор готов озвучить итог приема.

– Все отлично, – одаривает меня скупой улыбкой. – Завтра жду вас в восемь утра на пункцию. С мужем, конечно же. Валентина напишет вам, что необходимо для процедуры, – кивает медсестре и тихо уточняет: – В очередной раз...

Вновь напоминает о том, что я – «постоянный клиент» клиники, будто убедить меня хочет в собственной несостоятельности. Сломать. Но сложно сломать того, кто и так уже разлетелся на части.

Реплику Андреева принимаю молча, хотя внутри все сворачивается. Словно почувствовав мое настроение, Глеб крепче сжимает руку, потом вдруг поднимает ее и тянет к губам, оставляя легкий поцелуй на тыльной стороне моей ладони. Каждым своим действием хочет сказать мне: «Я с тобой. Я тебя не брошу». Будто одолжение делает. Или жалеет.

– Соблюдайте диету, все предписания, – продолжает вещать Андреев. – Третий протокол. Большой риск гиперстимуляции, поэтому особенно тщательно будем наблюдать за вами, – поправляет очки на переносице. – Но не беспокойтесь, все хорошо будет.

Страшно ли мне? В прошлый раз было страшнее. А сей-

час... Внутри будто замерзло все, а я сама обратилась в ледяную скульптуру.

Покорно позволяю Глебу вывести меня из кабинета. Я не прощаюсь. Разве есть в этом смысл, если завтра опять возвращаться сюда? И послезавтра. И неизвестно, сколько еще это продлится...

Оказавшись в коридоре, Глеб отводит меня в сторону, к стене, у которой пациенты обычно ждут своей очереди. Кажется, именно здесь я вчера потеряла сознание, а потом очнулась в руках Стаса.

Качаю головой, отгоняя от себя образ черноглазого демона, который внезапно всплыл в памяти. С трудом заставляю себя обратить внимание на мужа и вслушаться в его слова.

Глеб раздраженно сбрасывает с плеча свой рюкзак. Прямо на пол. Но уже через секунду меняется в лице, становясь мягче и добрее.

– Алисонька, милая моя, ну, чего ты? – заглядывает мне в глаза и проводит рукой по щеке. – Волнуешься? На этот раз все получится, я тебе обещаю.

Говорит так убедительно, словно исход завтрашней процедуры полностью в его руках. Однако уверенности это мне не придает.

– Если бы все было так просто... – вздыхаю я.

Глеб приближается вплотную, игнорируя других клиентов клиники, что снуют вокруг, и вдруг... целует меня. Жадно, страстно и... искренне. Почти как раньше.

Параллель с «безнадежным больным» никак не хочет меня отпускать.

Не спешу разжимать губы и отвечать на ласки мужа. Или не хочу.

Совсем замерзаю, когда он запускает руку в мои волосы, сжимает небрежно, отчего неприятно тянет в области затылка.

– М-м-м, – мычу ему в рот и отстраняюсь. – Ай, аккуратнее.

– Прости, любимая, соскучился за эти полгода, – произносит с нарочитой нежностью и легко проводит носом по моему. – У нас все будет хорошо, – чуть ли не по слогам говорит он. – Веришь мне?

«Нет!» – вопит разум в истерике.

– Да, – отвечаю сипло.

Не понимаю, что происходит между нами сейчас. Глеб будто пытается склеить разбитую им же самим вазу. Причем осколки он от меня тщательно прячет. Если бы я не была настолько занята бесконечными протоколами, то наверняка догадалась бы, в чем дело.

Но сейчас... Я делаю глубокий вдох, заставляю себя улыбнуться – и осторожно обнимаю мужа. Не могу довериться ему, как раньше. Целиком, без остатка, душой и телом. Больше не могу. Разогнать бы всех «тараканов», что в последнее время поселились в моей голове и мешают быть нормальной женой, насколько это возможно в нашей ситуации.

– Я люблю тебя, моя Алисонька, – шепчет Глеб.

Вроде бы верю, но почему-то отодвигаюсь и выбираюсь из его рук. Осознаю, что должна ответить, однако «дежурная» фраза застревает в горле.

Когда-нибудь кризис в наших отношениях пройдет, и все наладится.

Пока убеждаю себя в этом, муж вдруг спохватывается, оглядывается на кабинет Андреева и срывается с места, оставляя меня в растрепанных чувствах.

– Я на минутку, забыл кое-что, – бросает на бегу.

Успеваает втиснуться впереди пары, что была за нами в очереди, нахально залетает к врачу и плотно закрывает за собой дверь.

Пожимаю плечами недоуменно, сажусь на свободный стул. Как раз рядом с рюкзаком Глеба, впопыхах оставленным им в коридоре. Тепло усмехаюсь: растяпа. Зато меня упрекнуть не упускает удобного случая!

Сползаю на край стула и откидываюсь на спинку. В такой позе мне сидеть удобнее. Иначе ноет низ живота. В последние дни меня не покидает чувство тяжести и наполненности внутри. Что там Андреев говорил про «гиперстимуляцию»? Надо будет в интернете почитать, что за зверь такой и чем мне грозит.

Только занимаю оптимальную позицию, как слышу мелодию, доносящуюся из рюкзака Глеба. Ритмичную и тяжелую. Если сначала она играет тихо, то с каждой секундой звук на-

растает, привлекая внимание других клиентов клиники.

Но я не спешу доставать мобильный. Потрезвонит – и перестанет. Просто сообщу Глебу об этом потом.

Вопреки моим ожиданиям, вслед за первым звонком тут же раздается второй.

Шумно выдыхаю и тянусь к боковому карману рюкзака. Расстегнув молнию, выуживаю оттуда мобильный. Собираюсь отключить его, но вместо этого нехотя смотрю на дисплей.

«Александр Николаевич. Сборы. Важно», – гласит имя контакта.

Хмурюсь и закусываю губу. Как не вовремя Глеб телефон забыл!

Впрочем, если «важно», то перезвонит его Александр Николаевич. Ведь так?

Дисплей потухает наконец-то, и я собираюсь вернуть мобильный на место. Мне на секунду неловко становится. Я не из тех жен, кто проверяет каждый контакт мужа, читает все сообщения и мониторит друзей в соцсетях. Я считаю, отношения должны строиться на взаимном доверии. Так что в телефоне его никогда не копалась, не хочу и начинать, пусть даже вынужденно.

Стоит мне наклониться к рюкзаку, как мобильный вновь заводит свою пластинку, настойчиво вибрируя. От неожиданности чуть не выпускаю его из рук, но ловлю буквально в последний момент, прижимая к животу.

*

Какие настырные «сборы»! Весь коридор на уши поставят. Где же Глеб? О чем так долго с доктором говорить можно!

Противная мелодия продолжает орать на всю клинику, а я не знаю, как поступить. Сбросить и отключить звонок? Однако пометка «важно» не позволяет мне этого сделать: абонент на том конце может припомнить Глебу подобное неуважение. Не хочу, чтобы у мужа были проблемы на работе.

Закусив губу, смотрю на дверь в кабинет врача: к Андрею тоже врываться неудобно.

А если ответить на входящий и сообщить, что Глеб занят и обязательно перезвонит позже? В этом ведь нет ничего страшного? Наоборот...

Палец тянется к дисплею и зависает над кнопкой включения. Замираю и я, принимая окончательное решение...

– Кхм-кхм, – недовольно покашливает кто-то из очереди.

И я понимаю этого человека. Мелодия чересчур противная и невыносимая. Особенно если слушать ее третий раз подряд, ведь Александр Николаевич не сдается: звонит упорно. Наверное, действительно что-то срочное. Поэтому и музыка такая... требовательная. Глеб намеренно поставил ее. Громкий, резкий сигнал не позволит пропустить важный звонок.

Надеюсь, ничего не испорчу, если отвечу. Встряхиваю волосами и усмехаюсь: веду себя, как восточная женщина, не

смеющаяся пойти против воли мужа. Откуда вообще эти внутренние стопоры?

Касаюсь подушечкой пальца зеленой иконки на дисплее и подношу телефон к уху. Приоткрываю рот, чтобы мило и обезоруживающе, как я умею, попросить «сборы» перезвонить позже, но не успеваю сказать ни слова. Меня опережают...

– Глебушка?

Чужой женский писк бьет в ухо, едва не разрывая барабанную перепонку. Ультразвуком проникает в голову, прорывает все преграды, чтобы плавно и мучительно уничтожить меня изнутри. Задерживаю дыхание, прислушиваясь.

Я не настолько глупа, чтобы не понять с первой секунды, что это за «важные сборы», но хочу узнать больше. Наверное, это особая разновидность мазохизма: испытать полный спектр унижений.

– Только не ругай меня! Я знаю, что не должна звонить тебе сама, но тут такое дело, – продолжают визжать «сборы» на том конце провода.

Ощущение, будто водят пенопластом по стеклу. Морщусь, как от ноющей зубной боли. Не мог Глеб кого-нибудь с более приятным голосом себе выбрать? Впрочем, вряд ли ее функция – светские беседы с ним вести...

– Зай, я вчера сережку у тебя в машине обронила. Зацепилась, наверное...

«Вчера», – бьет набатом. В то время как я теряла сознание

в коридоре клиники. Ради нас, нашей семьи и общего будущего. Они там... сережки по салону авто искали.

– Скорее всего, под сидением... водительским, – хихикает многозначительно.

Картинки того, что могло происходить между ними, сами всплывают в моей голове. Какой все-таки Глеб непрехотливый оказался. Прямо в машине. Причем в моей красной «Киа», потому что его «Рено» уже несколько дней на профилактике в автосервисе. Значит, не о моей безопасности беспокоился, когда забрал ее...

Передергиваю плечами с отвращением, собираюсь убрать трубку от уха и прервать звонок, но «важные сборы» даже не думают затыкаться.

– Найди и спрячь, а то твоя найдет... Глебушка? – недоуменный писк стреляет на поражение.

Не ранена, а убита.

Погружаюсь в вакуум, отстраняясь от шума и суеты вокруг. Могу думать лишь о том, как моя жизнь раскалывается на части. Медленно умираю, заранее зная, что нынешняя Алиса, наивная, доверчивая и когда-то влюбленная в своего единственного мужчину, больше не воскреснет.

– Я обязательно ему передам, – говорю ровным тоном, с легкой насмешкой, хотя это стоит мне невероятных усилий. – Вместе вашу сережку поищем, не беспокойтесь.

– Ой! – раздается испуганный визг.

И этот звук становится последней каплей. Взрывает меня

изнутри, проносится ударной волной по всему телу и испепеляет остатки чувств. Отключаю телефон, потому что еще одного «ультразвука» точно не выдержу. Обреченно прикрываю глаза, которые щиплет от слез.

В этот момент кто-то из прохожих случайно толкает меня в плечо, словно напоминая, где я нахожусь. Оглядываюсь растерянно, ощущая себя брошенным на дороге котенком. Никому не нужным, потерянным...

Что дальше?

Через пару минут из кабинета врача выйдет Глеб. Как ни в чем не бывало. Довольный и «любящий» (теперь ясно, что так подняло его настроение, точнее, кто). Он невозмутимо посмотрит мне в глаза, нагло и смело. И продолжит врать, играя роль идеального мужа.

Как поступить мне? Закатить истерику? Выяснять отношения?

Вот только есть ли смысл? Супруги ругаются, когда равнодушны друг к другу, хотя бы достучаться до своей половинки, исправить что-то, объяснить. Когда стремятся склеить трещину в отношениях, залечить раны – и продолжить строить семью.

А у меня... ничего не осталось внутри. Пустота. И инкубатор... с яйцеклетками, которые никому не нужны. Даже мне, потому что не хочу иметь детей от предателя.

Дрожащими руками сжимаю телефон, приседаю возле рюкзака Глеба и едва сдерживаюсь, чтобы не сорваться на

рыдания.

– Вам плохо? – незнакомый голос одного из пациентов клиники мигом приводит меня в чувства.

Отрицательно качаю головой, но сказать в ответ ничего не могу. Потому что расплачусь. Делаю вдох, небрежно пихаю мобильный Глеба в боковой карман его рюкзака, а из другого достаю ключи от «Киа». И выпрямляюсь. Не придумываю ничего лучше, чем развернуться спиной к проклятому кабинету Андреева и двинуться по коридору к лестнице. Быстро и не оглядываясь.

Позорно сбегая. От Глеба, от проблем, от иллюзии семейной жизни, которая рухнула как раз там, где должна была укрепиться.

С ненавистью толкаю дверь клиники и выскакиваю на улицу, где на меня обрушивается сильный ливень. Лихорадочно хватаю ртом воздух, часто моргаю и обхватываю плечи руками.

Слезы смешиваются с каплями дождя, текут по щекам, безжалостно размазывая макияж. Волосы путаются, мокрыми прядями липнут к лицу, спускаются на плечи. Тонкое короткое пальто из облегченного кашемира мгновенно промокает до нитки. По джинсам расходятся темные пятна, в туфлях-лодочках неприятно хлюпает.

Вместо того чтобы спрятаться от ливня, я замираю на крыльце и подставляю лицо под его мощные струи. Они нещадно бьют по коже, заставляют крепко зажмуриться, не

позволяют сделать вдох. Зато остужают эмоции. Паника уходит, оставляя после себя пустоту. Огромную дыру в душе, в которой гуляют сквозняки.

Наверное, я бы могла стоять так вечно. Но скоро Глеб заметит мое отсутствие, выйдет следом, а я... не могу его видеть. И не хочу, чтобы он застал меня такой: мокрой, с потечками туши, несчастной, сломленной им самим.

Встречусь с мужем чуть позже. Когда успокоюсь, покроюсь броней. Или хотя бы научусь делать вид, что мне все равно.

Встречусь, чтобы расстаться навсегда...

*

Я ведь хотела, чтобы мой ад закончился. Будь осторожнее со своими желаниями. Исполнено!

Больше никаких ЭКО, никаких мучений и... никаких мужчин. Только я и одиночество, ведь детей мне иметь тоже не суждено. Наверное, поэтому Глеб и предал меня, поставив крест. Устал от бесконечных попыток. И все его сегодняшние слова поддержки – не более чем жалость. Ко мне, бракованной и убогой.

«Все будет хорошо».

«На этот раз все получится».

Чушь! Вранье!

Яростно тру руками щеки, поправляю слипшиеся локоны и бегом слетаю с крыльца. Взглядом нахожу машину, кото-

рая благодаря яркому красному цвету заметна даже сквозь плотную стену дождя. Плакаю брелком, снимая сигнализацию. И морщусь: что же так громко-то!

Не желая больше испытывать судьбу и терять время, рывком распахиваю дверцу и плюхаюсь на водительское место. Снимаю туфли, чтобы вытрясти из них воду, насколько это возможно. И чувствую, как мою ступню что-то мерзко царапает, разрывая тоненький капрон носков.

Не хочу опускать взгляд на пол, заранее зная, что там увижу. Закрываю глаза и поскуливаю, как избитая собака.

Обуваюсь наощупь, продолжая реветь, и только потом ногой выметаю из салона безвкусную сережку с крупным камнем. Лишь мельком рассматриваю ее в полете, зато чувствую удовлетворение, когда она звякает металлом об асфальт.

Поспешно закрываю дверь, завожу двигатель и резко срываюсь с места. В боковом зеркале вижу, как из клиники выбегает Глеб. Осматривается по сторонам и цепляется взглядом за «Киа».

Вжимаю педаль газа в пол, даже не глядя на спидометр. Думаю лишь о том, чтобы оторваться от мужа.

Выезжаю на трассу, преодолеваю достаточно длинный участок пути, но не сбавляю скорость. Будто Глеб сможет пешком меня догнать. Что за глупость? Но эмоции сильнее.

Вдох и рваный выдох. Куда теперь?

Мои родители живут далеко отсюда. В маленьком городке, из которого я с детства мечтала выбраться. Поэтому и

приехала поступать в столицу. В город больших возможностей и ненужных друг другу маленьких людей.

Все складывалось идеально: учеба в университете, знакомство с Глебом, переезд в его дом, работа по специальности, свадьба и медовый месяц за границей. Мама не могла нарадоваться за меня. Повторяла, что я удачно устроилась – не каждой это дано. Слишком хорошо, чтобы быть реально-стью...

И вот теперь все разрушилось, а мне даже некуда податься. Почти...

В столице из подруг есть только Лиля, но она сама снимает небольшую квартирку на окраине. Не хочется стеснять ее, однако выбора нет. Единственное, следует позвонить ей предварительно. Мало ли...

Пытаюсь сморгнуть слезы, но они не прекращают литься, затуманивая зрение. А я все так же гоню на полной, хотя меня никто не преследует. Одной рукой держу руль, другой – тянусь к сумочке, брошенной на пассажирское сидение рядом. Судорожно перебираю ее содержимое, психую, вытряхиваю все, но так и не нахожу того, что мне нужно.

Заставляю себя вспомнить, куда положила мобильный. Однако я сейчас не в том состоянии, чтобы мыслить здраво. Еще и постоянно сигналящие автомобили невероятно раздражают.

Буквально на секунду опускаю взгляд, чтобы внимательнее рассмотреть бардак из моей сумочки, но дурацкие слезы

жутко мешают. Шмыгаю носом, на нервах сметаю все «дамские мелочи» на пол и судорожно всхлипываю.

Не понимаю, в какой момент и как, но рука, лежащая на руле, дергается, проворачивая его влево. На долю секунды. Мгновение. Пшик. Однако на большой скорости хватает и этого, чтобы машину занесло на встречную полосу.

Дальше все происходит стремительно.

Истошные сигналы со всех сторон, визг тормозов и... удар. Мне кажется или я действительно слышу скрежет металла?

Пытаюсь удержать руль, вернуть управление, остановиться, но...

Автомобиль прокручивает на скользкой от дождя дороге так, что чувствую себя в центрифуге. Меня трясет и подбрасывает, словно тряпичную куклу в стиральной машине. Спасает лишь моя привычка всегда пристегиваться. На автомате это делаю.

И все же. Мне страшно. Очень.

Человек – странное существо. Лишившись всего, потеряв надежду, до последнего цепляется за жизнь. Такую никчемную и никому не нужную.

Кажется, ударяюсь головой и лицом обо что-то. Но от шока не чувствую боли.

Когда «Киа» прекращает свою дикую «пляску» и все же тормозит, я ощущаю тошноту. Голова кружится, перед глазами все плывет.

Сквозь шум в ушах слышу едва различимый стук по стеклу, что кажется мне смутно знакомым. Его сменяет грохот открывающейся двери.

В салон влетает поток свежего воздуха, а вместе с ним пропитанный яростью голос.

– Чертова суицидница! Опять ты? – ревет прямо над ухом.

И я узнаю этот суровый тон. Злость в нем смешивается с беспокойством.

Вместо ответа и жалких попыток оправдать себя я обреченно всхлипываю. Обессиленно роняю голову на руль и содрогаюсь в рыданиях.

Тяжелая ладонь опускается на мое плечо, сжимает крепко.

– На меня посмотри, – звучит повелительно. Совсем рядом со мной, а не откуда-то сверху.

Не дожидаясь, пока я выполню приказ, сильные руки разворачивают меня полубоком. Холодные пальцы обхватывают подбородок, заставляя приподнять голову и встретиться лицом к лицу со своим страхом. Погрузиться в поглощающую тьму знакомых, но крайне злых глаз.

– Прости, Стас, я... – выдавливаю из себя в перерывах между громкими всхлипами.

– Торопилась? – перебивает меня недовольно. – Кажется, я это уже слышал.

Стас приседает напротив меня, не отпуская подбородка. Скользит по мне внимательным, напряженным взглядом.

Я делаю судорожный вдох, невольно впуская в себя уже знакомый волнующий запах, в котором сегодня превалируют нотки табака. Особенно четко и резко. Все-таки даже такой идеальный мужчина, как Стас, не застрахован от вредных привычек.

Тем временем дождь заряжает с новой силой. Крупные капли падают на его черные, как смоль, волосы, стекают на спину и плечи, собираясь в большие разводы и впитываясь в ткань пиджака. Но Стас никак не реагирует на неудобства, а продолжает изучать меня.

От пережитого страха я дрожу и шмыгаю носом – наверняка красным, как и глаза. Выгляжу сейчас, будто облезлая рыжая кошка. Зареванная и мокрая.

– Чем ударились? Где болит? – тон Стаса вдруг становится чуть мягче.

Его вопросы и ситуация в целом – все это напоминает нашу первую встречу. Опять я стала причиной аварии, только на этот раз столкновения избежать не удалось.

Мне становится дико стыдно за свою глупость. Что бы ни случилось у меня с Глебом, я не имела права мчаться в ливень по загруженной трассе. Реветь за рулем, жалеть себя. Я поступила опрометчиво и эгоистично! Из-за меня ведь мог кто-нибудь пострадать.

Понимаю негодование Стаса и от отчаяния прикрываю глаза. Ничего не могу ответить ему, потому что ком в горле становится все больше. Душит меня, убивает.

Стас откашливается нервно, протягивает руку к моему лицу, убирая прилипшие влажные пряди. Подушечками пальцев проводит по коже, задерживается на уровне виска.

— Бровь рассекла, — легко касается раны, а я морщусь от дискомфорта. — Нестрашно, — выносит вердикт, — до свадьбы заживет. Хотя ты уже... — добавляет тихо, как бы между прочим.

Его простая фраза поднимает во мне бурю эмоций. Вонзается острым клинком в сердце. Раздирает кровоточащие раны. На лохмотья.

Зажмуриваю глаза до белых мушек, стискиваю губы, но это не помогает мне прийти в нормальное состояние. Забываю, что нахожусь с посторонним человеком, и поддаюсь эмоциям. Успеваю лишь прикрыть лицо ладонями, прежде чем сорваться на плач. Не могу подавить истеричные стоны, вырывающиеся из груди.

— Черт, — шепчет Стас еле слышно и немного растерянно. — Пьяная?

Отрицательно машу головой, не прекращая плакать.

— Случилось что? — произносит с такой интонацией, будто к ребенку обращается.

Замираю, неуклюже вытираю нос ладонью — и, подняв заплаканный взгляд на Стаса, слабо киваю. А слезы так и стекают по щекам нескончаемыми ручейками. Мужчина сводит брови, словно размышляя, что со мной делать дальше.

Приняв решение, собирается озвучить его мне. Или, судя

по его воинственному виду и ожесточившемуся взгляду, отдать очередной приказ. Я сейчас не в том состоянии, чтобы адекватно разбираться с проблемами, которые сама же и создала. Поэтому готова слушаться.

Но нас прерывают...

– Так, ну что, гаишников вызываю? – доносится противный бас, чужой и не обещающий ничего хорошего. – Смотрю, я здесь не единственный пострадавший.

Через секунду из-за плеча Стаса показывается мужская физиономия. Незнакомец нахально заглядывает в салон и обводит меня масляным взглядом, после которого хочется помыться.

– О, баба за рулем, – криво ухмыляется. – Знаешь, сколько ремонт моей тачки обойдется? Чем расплачиваться будешь? – противно цокает языком.

Сжимаюсь под бесцветным взглядом и растерянно округляю глаза. Сама виновата – пришло время отвечать. Закусываю губу, подбираю слова, чтобы договориться с мерзким типом. Но Стас опережает меня. Резко поднимается и разворачивается лицом к мужику, таким образом заслоняя меня собой. Делает это случайно, неосознанно, но я чувствую облегчение и защищенность.

– Во-первых, извинись, – говорит спокойно и холодно, но при этом хочется под землю провалиться от его голоса. И он действует так не только на меня.

– Да я пошутил же, что вы, – мужик примирительно под-

нимает руки вверх. — Кхм. Извините, был не прав, — тянет до тошноты любезно, обращаясь ко мне, при этом чуть наклоняет голову.

Молча перевожу взгляд на Стаса, потому что мне так спокойнее, и складываю руки на коленях.

— Во-вторых... Машина твоя? — кивает Стас куда-то вдаль, а сам отходит от «Киа» и чуть прикрывает дверь, словно пряча меня или обороняя.

Вздохнув, оглядываюсь. Смотрю в том направлении, куда указал Стас, и слабо постанываю. Что я натворила?

На обочине, врезавшись боком в столб и смяв крыло, стоит серый «мерседес». Видимо, от моей «дикой пляски» уворачивался, объехать хотел, но неудачно. Автомобиль не последней и далеко не самой элитной модели, но даже его ремонт мне не по карману. Мысленно складываю все «потери»: разбитая «Киа» с невыплаченным кредитом, наверняка задетый джип Стаса и теперь еще этот «мерс». «Поплакала», называется. Теперь в долги придется влезть. И права заберут, заслужила.

Пока оцениваю ущерб и приблизительную сумму, Стас о чем-то договаривается с пострадавшим. Замечаю, как он достаёт портмоне из кармана и через секунду протягивает ему деньги.

— Думаю, этого хватит на ремонт, — чеканит сурово и, подумав, отсчитывает еще пару купюр. — Хм, а это — компенсация за моральный ущерб. И обойдемся без гаишников, —

поднимает черные глаза на мужика.

– Да-да, конечно! – лихорадочно качает головой тот.

– Теперь катись отсюда, – неожиданно грубо выплевывает Стас, словно сорвавшись.

Пострадавший не перечит ему, а, наоборот, спешит исчезнуть. Я бы тоже хотела это сделать, но бежать некуда.

Наблюдаю, как Стас медленно возвращается ко мне. Он не привык суетиться. И даже холодный ливень не в силах изменить этого.

– Спасибо, я верну все, правда, – лепечу с благодарностью и... трепетом.

Стас хмурится, укоризненно качает головой и подходит ближе. Наклоняется ко мне и подается вглубь салона. Одну ладонь укладывает на мой подголовник, опираясь о него, а второй тянется к приборной панели. Оказываюсь зажатой в кольцо его рук. Слишком близко. Впечатываюсь в кресло и задерживаю дыхание.

Стас действует невозмутимо и уверенно. Зажимает кнопку аварийки, о которой я напрочь забыла на нервах, проверяет ключи, оставляя их в замке зажигания. Дергает ручник, чтобы машина не откатилась.

Не глядя на меня, отстраняется.

– Права при тебе? – вдруг спохватывается он.

Машинально достаю ламинированную карточку из бардачка и протягиваю Стасу. В знак того, что я не совсем безнадёжна. Мужчина выхватывает права из моих рук и прячет

во внутренний карман пиджака.

– Тебе они больше не понадобятся, – рычит зло, пока я отхожу от шока. – Сумку бери, – кивает на хаос, царящий на пассажирском сиденье.

Быстро сгребаю все свои мелочи, кошелек, лихорадочно запихиваю в сумку – и только потом вопросительно смотрю на Стаса. Тем временем он набирает какой-то номер, бросает пару отрывистых фраз, которые теряются в шуме дождя. А после – жестом приказывает мне выйти из машины. Покоряюсь беспрекословно.

– Адрес? – рывкает громко, чтобы перекрыть ливень.

– Какой? – быстро моргаю и стираю с щек настырные дождевые капли.

– Адрес, куда доставить твою безвременно почившую «Киа», – раздражается Стас.

Машинально называю адрес Глеба. Представляю его лицо, когда он увидит разбитую «Киа». И дело не в том, что муж обо мне беспокоиться будет. В последнее время я вообще сомневаюсь, чувствует ли он хоть что-то ко мне. Причиной его недовольства станет, скорее, невыплаченный кредит, который оформлен на него.

Ощущаю болезненный укол вины, но меня отвлекает крепкая, но аккуратная хватка на локте. Не обронив ни слова, Стас тянет меня за собой.

*

– Мы просто так оставим машину на дороге? С ключа-

ми? – кричу, едва успевая за широкими шагами.

– Я вызвал эвакуатор, – поясняет он. – Он доставит ее по адресу.

– Но если ее украдут до приезда эвакуатора? – фыркаю я.

– Кто? Сборщики металлолома? – усмехается он. – Ты глянь, что от нее осталось.

Оборачиваюсь и жалобно хныкаю. Некогда новую «Киа» действительно серьезно потрепало. Больше всего досталось передней фаре и капоту. Видимо, с джипом именно этим местом столкнулась. К слову, «железный конь» Стаса выглядит вполне нормально. Отделался парой царапин. Танк, а не машина. Как и его хозяин.

– Поехали! – выдает Стас тоном, не терпящим возражений.

– Куда? – жалко пишу.

– Судя по всему, по адресу, который ты назвала только что, – уверенно говорит он.

Сглатываю ком в горле. Адрес. Дом Глеба. Последнее место, где я хотела бы оказаться сейчас.

– Нет! – отшатываюсь от Стаса, как от прокаженного.

Поскальзываюсь на мокром асфальте, слышу предупреждающие автомобильные сигналы, а потом чувствую, как мужчина обхватывает меня за талию и прижимает к себе. В этот же миг мимо проносится одна из машин. Слишком близко ко мне. Если бы не Стас, то...

– Алиса! – с его губ едва не срывается ругательство, но он

вовремя себя останавливает. — Если ты так упорно хочешь покончить с собой, можешь хотя бы не пытаться сделать это моими руками? И не подставлять меня? — цедит мне в лицо.

— Я не...

— В машину, быстро. Я и так промок тут с тобой.

Рывком открывает дверь, подталкивает меня к пассажирскому месту и, дождавшись, пока я сяду, громко захлопывает. А сам обходит джип спереди.

Движения Стаса нервные и рваные. Я серьезно вывела его из себя. Но вместо того, чтобы бояться, почему-то чувствую себя в безопасности рядом с ним.

Устроившись в водительском кресле, Стас дает себе пару секунд передышки. Видимо, чтобы справиться с бушующим внутри гневом. Молчит напряженно, и от этого обстановка накаляется еще сильнее. Мне проще, когда человек выплескивает свою злость, прямо высказывает претензии, ругает. Вместо «нормальной» реакции, к которой я привыкла, живя с Глебом, — сейчас лишь тишина, что электризует воздух. И она пугает меня.

Помедлив, все же решаюсь посмотреть на Стаса исподлобья. Он перехватывает мой взгляд, будто почувствовав заранее, и протягивает руку к приборной панели. Одним движением открывает бардачок, и я сразу же обращаю внимание на выглядывающий оттуда рыжий хвостик.

— Ой, — виновато выдаю я и беру в руки потерянный телефон. — Так вот где я его забыла.

– Я ехал в клинику, чтобы вернуть тебе мобильный, – сообщает Стас невозмутимо, в очередной раз поражая меня столь внимательным отношением. – Но я не знал, что по дороге ты решишь убить нас обоих, – добавляет строже.

– Прости, я поступила глупо. Мне правда очень жаль, – всхлипываю я и спешу перевести тему. – Надеюсь, у тебя не было проблем из-за... кхм... этого? – киваю на свой телефон.

– Проблем?

Стас слегка поворачивает голову и прищуривается, непонимающе сканируя мое лицо.

– Ну, чужой телефон, явно женский, в машине женатого мужчины, – тяну я, заливаясь румянцем. – Извини. Не знаю, как так вышло. Выронила, наверное.

В этот момент перед глазами всплывает та самая злочастливая сережка. Чужой бабы. В нашей с Глебом машине. Невольно в моем сознании проводится параллель. И хотя я не сделала ничего предосудительного, мне почему-то становится не по себе.

– Нет, А-Лиса, у меня не было проблем, – равнодушно хмыкает Стас.

Складывается впечатление, что между ним и его женой вообще не существует такого понятия, как ревность. Наверное, именно так и должны выглядеть правильные отношения, построенные на доверии. О подобных я мечтала с Глебом, но он растоптал мою веру.

– Спасибо. За все, – только и могу выдать из себя я.

– Куда тебя отвезти? – спрашивает Стас по-деловому и заводит джип, вновь оказываясь в роли таксиста не по своей воле. – Домой, как я понимаю, ты не хочешь?

Отрицательно качая головой и веду пальцем по дисплею телефона. Собираюсь позвонить Лиле, но мобильный даже не думает реагировать. Батарея села, а номера подруги я наизусть не знаю. Я вообще с цифрами не дружу, истинный гуманитарий.

Стас, устав ждать моего решения, трогается с места и на средней скорости движется по трассе. В никуда. Лишь бы не преграждать дорогу остальным автомобилям. Настороженно поглядывает на меня, но не торопит.

– В отель, Стас, – наконец выдаю я, и он незамедлительно кивает. – Ближайший и... недорогой, – уточняю, смущенно пряча взгляд.

Я никогда не была транжирой, бездумно спускающей деньги мужа, но сейчас мне придется особенно сильно экономить. Со временем найду новое жилье. Где-нибудь на окраине. В том, что я никогда больше не вернусь к Глебу, – сомнений нет. Я могу простить что угодно, кроме лжи и предательства. И он прекрасно знал об этом, развлекаясь с другой женщиной. Тем более, в такой сложный момент, когда я положила все силы и здоровье на жертвенный алтарь ЭКО. Впрочем, это ведь я загорелась детками, не Глеб. В итоге потеряла все...

Щеки горят, кожу опять обжигают слезы. Я надеялась, что выплакала все, но нет. Стараюсь быстро смахнуть соленые капли с лица, чтобы не привлекать внимание Стаса, но он, кажется, замечает. Хмурится, однако не говорит мне ни слова.

Отворачиваюсь к окну, мысленно благодаря Стаса за то, что он терпеливо позволяет мне выплакаться.

В тишине, нарушаемой лишь моими слабыми всхлипами, мы преодолеваем остаток пути. Наконец, паркуемся возле шикарного многоэтажного здания со стеклянным подсвеченным фасадом. «Отель «Президент» – читаю серебристую надпись, выведенную строгим шрифтом.

Начинаю сомневаться, что найду себе здесь номер по карману. Это и есть в понимании Стаса «недорого»? Хотя с его запросами и стилем жизни... Все может быть.

*

Массирую ноющие виски и набираюсь смелости, чтобы возразить мужчине. Но он молниеносно оказывается возле моей двери, распахивает рывком и берет меня за руку. Не успеваю выдать ни звука, как Стас уже увлекает меня за собой в холл отеля.

Оказавшись внутри, щурюсь от яркого света и в то же время наслаждаюсь окутывающим теплом. Только сейчас понимаю, насколько замерзла. Я ведь промокла до нитки!

Осматриваюсь вокруг: многоуровневые зеркальные потолки, современные люстры и точечные светильники, квад-

ратные колонны, мраморные полы, строгая мебель четких геометрических форм. Все здесь выглядит богато и... сурово. Под стать самому Стасу. И только я предстаю белой вороной, не вписывающейся в обстановку премиум-класса. Точнее, рыжей...

И пока я думаю о том, есть ли в этом роскошном отеле дешевые номера и какую сумму мне придется здесь оставить, Стас все решает за меня. Договаривается с администратором, уверенно, казалось бы, не глядя указывает в каталог и... оплачивает. Моргаю растерянно: это уже слишком! Представляю, как мы выглядим со стороны. И вызываем отнюдь не благопристойные мысли.

Краснею до корней волос и возмущенно выдыхаю:

– Стас, но...

– Пожалуйста, Алиса, тише и спокойнее, – проговаривает чуть слышно, но убедительно, при этом барабанит пальцами по стойке ресепшна. – Все нормально.

Слушаюсь лишь потому, что не хочу ставить его в неловкое положение. Закусываю губу, загоняю поглубже остатки гордости и независимости. Все это ни к чему сейчас. Стас знает, насколько я жалкая и беспомощная.

– Вы выбрали отличное место, чтобы переждать непогоду. Хорошего отдыха вам с супругой, – тоном английского аристократа произносит администратор и передает Стасу ключ-карту.

Вместо ответа тот чуть наклоняет голову набок и улыба-

ется одним уголком губ. Не знаю, как у Стаса получается, но заметила, что для него это привычный жест.

Все мысли мигом улетучиваются, когда мужчина укладывает руку мне на талию и ведет к лифту. Зажимает кнопку вызова, и, пока мы ждем, когда створки распахнутся, я аккуратно убираю его ладонь. Слишком неоднозначная ситуация, чтобы воспринимать ее спокойно.

– Он решил, что мы женаты, – сипло шепчу я.

– Какая разница, что думают окружающие? Мы ведь знаем, что это не так, – невозмутимо пожимает плечами Стас, ничуть не теряясь. – Начнем спорить, оправдываться – вызовем больше подозрений и лишнее внимание. Людям свойственно фантазировать, особенно на такие щепетильные темы.

Начинаю нервничать, когда Стас заходит в лифт вместе со мной. Становится рядом, выбирает нужный этаж. Одно нажатие кнопки – и мы оказываемся вдвоем в замкнутом пространстве. Не выдержав, нервно откашливаюсь.

– Стас?

– Я провожу тебя до двери номера и сразу же уеду. Иначе ты опять натворишь что-нибудь или перепутаешь, – бросает он небрежно и ухмыляется. – Тебе не следует бояться меня, А-Лиса, – серьезно добавляет, поймав мой испуганный взгляд.

Стискиваю губы и устремляю глаза в пол. Успокаиваюсь, потому что... верю.

– Спасибо, Стас, – лепечу я, когда мы оказываемся у двери номера. – Я в-верну все...

Говорю, а у самой зубы стучат от сырости и холода. Потираю свои плечи руками, но становится только хуже. Мокрая одежда прилипла к телу, кожа под ней давно покрылась мурашками, и даже пальцы на ногах онемели в хлюпающих туфлях-лодочках.

– Ничего не нужно, А-Лиса, – с насмешкой произносит Стас. – Просто не вляпайся еще куда-нибудь.

Сжимаю губы от обиды, но не смею перечить. В его словах есть смысл. Устало опираюсь спиной о закрытую дверь и несмело выставляю ладонь, чтобы Стас отдал мне ключ-карту.

Он мой намек понимает, размышляет пару секунд, хмуря брови, но в итоге поступает по-своему. Приближается вплотную, протягивает руку и, не сводя с меня взгляда, сам проводит картой по замку.

Дверь щелкает и открывается внутрь, а я едва не теряю равновесие, но Стас аккуратно придерживает меня за талию.

– Ты можешь находиться здесь столько, сколько тебе нужно, – заявляет, когда мы заходим в коридор. – Все оплачено. Завтрак включен, все необходимое найдешь в номере. Если что, звони на ресепшн.

Скидываю противные туфли. Спешу избавиться от пальто, которое бесформенной тряпкой повисает на вешалке. Джинсы на мне выглядят не лучше: темные от воды, в разво-

дах и пятнах. Досталось и блузке. Дождевые капли пробрались под ворот пальто, замочили ткань на спине и груди.

Тяжело вздыхаю и обхватываю себя руками, прикрываясь. Отступаю вглубь помещения. Стас быстро сканирует меня, задерживается на несчастной блузке, если можно так назвать облепивший тело прозрачный кусок ткани. Тут же отводит взгляд. Мельком осматривает обстановку номера и, кажется, остается удовлетворен.

– Пока, А-Лиса, – внезапно охрипшим голосом говорит мне.

Киваю, но не могу себя заставить попрощаться. Молча разворачиваюсь и на ватных ногах плетусь в гостиную. Остаюсь наедине со своими переживаниями, которые накатывают с новой силой, словно только и ждали этого момента.

Обреченно опускаюсь на диван прямо в мокрой одежде, ложусь на бок и сворачиваюсь клубком. Плевать на все. Хочется уснуть и больше не проснуться.

Входная дверь громко хлопает. Значит, Стас ушел. Не понимаю почему, но это добивает меня, вгоняя в истерику. Очередной приступ, наиболее разрушительный, поражает мой рассудок. Нашупываю декоративную подушку, утыкаюсь в нее лицом и реву, как сумасшедшая.

Глава 6

Алиса

Сквозь свои же судорожные стоны я, кажется, слышу твердые шаги, грохот, звон стекла и... сдавленное ругательство. Списываю все на игры воспаленного разума.

Я ведь в полном одиночестве сейчас!

Однако моя уверенность разбивается вдребезги, когда кто-то хватается меня за плечи и поднимает, заставляя сесть. Нагло забирает спасительную подушку и нервно отбрасывает в сторону, а потом встряхивает меня грубо.

Испуганно моргаю, пытаюсь восстановить зрение. Сквозь пелену слез вижу... Стаса. Трясу головой, чтобы прогнать наваждение, но оно не исчезает.

Зачем этот странный мужчина вернулся? Судя по его виду, чтобы меня убить. С особой жестокостью.

Он в ярости, дышит тяжело, раздувая крылья носа, играет желваками на скулах. И зубы стискивает, чтобы не наорать на меня.

– Пей! – все же повышает голос и протягивает мне стакан с янтарной жидкостью.

– Что это? – шмыгаю носом, втягивая резкий запах. – Я не пью. Мне нельзя.

Вспоминаю, ради чего все эти месяцы держала диеты, принимала витамины, вела здоровый образ жизни. Ради

ЭКО. Которого не будет. Потому что все бесполезно.

Зажмуриваюсь и опять реву. Слишком больно, чтобы скрывать эмоции.

– Клянусь, я сейчас волю в тебя это силой, – рывкает Стас так громко, что, кажется, стекла в шкафах гремят. – Пей!

Дрожащими руками беру стакан и вливаю в себя его содержимое. Горло горит огнем, дыхание перехватывает. Кашляю надрывно, невольно утыкаюсь лицом в плечо Стаса. Чувствую, как он приобнимает меня, проводит рукой по затылку.

– Теперь в душ! Переоденься! Там должны быть свежие халаты, – отдает короткие приказы. – Справишься? Или мне проследить? – добавляет с раздражением.

– М-м-м? – теряюсь на мгновение. – Да. Нет. Я сама! – заливаюсь румянцем.

Выбираюсь из уютного плена, быстро нахожу в огромном номере ванную, наверное, в состоянии аффекта. И скрываюсь за ее дверями.

После душа действительно становится легче. Ощущение тепла и чистоты немного успокаивает. Теряю счет времени. Укутавшись в махровый халат, занимаюсь своими вещами, застирываю пятна, развешиваю одежду на сушилке.

Собираюсь выйти из ванной, но замираю у зеркала. Пугаюсь своего отражения: измученное лицо, припухшие веки, красные глаза и... потухший взгляд.

– Алиса! – доносится из-за двери, вынуждая меня подско-

читать на месте. – Все нормально?

Не желаю испытывать терпение сурового мужчины, который непонятно почему носится со мной, как с ребенком. Вылетаю из ванной и едва не сталкиваюсь со Стасом. Поднимаю на него растерянный взгляд.

– Тебе лучше? – ровным тоном интересуется он и тут же приказывает. – Иди на кухню.

Подчиняюсь, потому что я не в том положении, чтобы играть с огнем. Да и, честно говоря, доверяю Стасу. Глупо, но ничего не могу с собой поделать.

Плечусь за мужчиной. Преодолеваю просторную столовую, на ходу удивляясь роскоши апартаментов. Не номер, а полноценная квартира со всеми удобствами. Стас перестарался! Мужчина, который не терпит полумер – привык брать от жизни по максимуму. Вот только почему его желания распространяются и на меня тоже?..

Через арку захожу в мини-кухню. Осматриваюсь бегло, отмечая благородно-сдержанный интерьер и занимаю стул возле стены. При этом устраиваюсь боком к столу, чтобы... лучше видеть Стаса.

Тем временем он закатывает рукава рубашки и подходит к электрической плите – глянцевой поверхности, которой явно никто не пользуется из посетителей. Но сейчас на одной из конфорок стоит турка. Стас колдует над ней некоторое время, и его действия, признаться, завораживают.

Мужчина на кухне, тем более, богач-бизнесмен, привык-

ший получать все по щелчку пальцев, – это в принципе редкий экземпляр. Стас же выглядит здесь весьма спокойно и... гармонично.

Мгновение – и он разливает по кружкам кофе. Поворачивается ко мне.

– Ты сам варишь кофе? – ошеломленно округляю глаза.

Стас усмехается и ставит передо мной чашку с ароматным, дымящимся напитком.

– Я люблю кофе, – пожимает плечами. – Качественный, вкусный, идеально сваренный. Как известно, хочешь сделать что-то хорошо, сделай это сам.

Садится за стол напротив меня.

– Что у тебя случилось, Алиса? – спрашивает Стас тоном, не терпящим возражений. – Неудачное ЭКО? Это не повод, чтобы...

– ЭКО назначено на завтра. Но его не будет, – твердо чеканю я и делаю глоток кофе. – Нет смысла. И беременеть мне не от кого.

– Почему? – хочет докопаться до сути.

– Муж изменил, – пытаюсь говорить равнодушно, но надрывный всхлип выдает меня с головой.

– Так любишь мужа, что жертвуешь собой? Даже сейчас? – произносит с легким укором.

– Любила, – признаюсь тихо. – А ты? – дерзко смотрю на Стаса: не только ведь ему можно задавать неудобные вопросы. – Ты любишь свою жену?

Видимо, я затрагиваю запретную тему. Стреляю метко. И больно.

Потому что вместо ответа Стас поднимается, достает из мини-бара бутылку – и наполняет стакан. Возвращается к столу уже с «успокоительным».

– Мне кажется, такие, как ты, не женятся по любви, – выпаливаю я и понимаю, что во мне начинает говорить алкоголь.

– Какие «такие»? – постукивает пальцем по ободку стакана.

– Ну, ты... Расчетливый бизнесмен. Привык контролировать все и всех. В твоём мире все решают деньги. Ты руководишься разумом и холодным расчетом, а не чувствами, – спотыкаюсь о напряженный графитовый взгляд и икаю. – Прости, – виновато закусываю губу. – Лишнего наговорила.

– Ты права. Мне не нужна любовь, – хмыкает Стас с едва уловимыми нотками горечи и обводит меня долгим взглядом. – Она делает человека слабым и глупым.

– Раньше я думала наоборот, – откидываюсь на спинку стула и опираюсь затылком о холодную стену. – Но сейчас мы оба видим, к чему это меня привело, – ухмыляюсь обреченно.

– Не ставь на себе крест из-за какого-то уродя. Он просто не понимает, кого потерял, – неожиданно заявляет Стас на выдохе.

Смотрю на мужчину, тону во тьме черных глаз – и не знаю, как реагировать на его слова.

Стас залпом опустошает стакан и резко поднимается.

– Мне пора, – произносит твердо.

Он прав: и так задержался неприлично долго. Дома его ждет законная жена. А я пока что замужем, пусть ненадолго, но все же. Факт остается фактом.

– За руль? – уточняю взволнованно, покосившись на пустой стакан.

– На такси.

Стас врет. Чувствую, вижу по его глазам, но это не мое дело.

Сейчас я должна отпустить его, не компрометировать и дальше. Но вместо того, чтобы дожидаться, пока Стас покинет номер, зачем-то плетусь следом за ним в коридор.

Опираюсь плечом о выступ в стене и наблюдаю, как он собирается. Быстро, нервно, рывками. Словно спешит разорвать тонкую, почти прозрачную нить, что натянулась между нами. Все правильно. Это самый верный выход. Но почему внутри меня что-то настойчиво и возмущенно скребет?

Накинув влажный после дождя пиджак, Стас замирает на секунду, размышляя о чем-то, и делает шаг ко мне.

– Тебе нужно что-нибудь еще? – приподнимает бровь.

«Нужно, Стас. Не оставляй меня одну», – хочется закричать в его непроницаемое лицо, но я сдерживаю себя. Не имею права.

*

– Ты и так много для меня сделал, – выдавливаю из себя улыбку. – Спасибо.

Стас кивает, чуть наклонив голову набок. Но не торопится покинуть номер.

Мысленно ругаю его за это. И себя.

Намереваюсь разорвать зрительный контакт, развернуться и уйти, чтобы больше никогда не встречаться со Стасом. Однако тело не слушается меня, превращается в статую, а из глаз предательски скатываются две слезинки.

Опускаю голову, желая скрыть от мужчины свою мимолетную слабость. Но он успевает заметить.

Неожиданно приближается вплотную ко мне и заключает лицо в ладони. Смотрит внимательно, прямо в душу забирается. Подчиняет и обездвиживает одним лишь взглядом. Большими пальцами стирает соленые капли с моих щек.

– Лиса, ну что ты делаешь со мной? – шепчет с непривычным надрывом.

Растерявшись, выдыхаю рвано. И каменею, когда Стас вдруг запечатывает мой рот поцелуем. Требовательным, страстным, с налетом отчаяния.

Издает тихий рык, когда я отвечаю. Сдаюсь желанному напору, потому что хочу. Так сильно, что по телу мгновенно распространяется жар.

Наш порочный поцелуй длится секунды, но именно он переворачивает все внутри. Возрождает меня к жизни, застав-

ляет сердце биться с новой силой.

Все прекращается так же быстро, как и началось. Стас отклоняется, убирает руки от лица и упирается локтями в стену по обе стороны от моей головы. Все еще слишком близко. Интимно. И волнительно.

– Прости, я не должен был, – выдыхает мне в губы и прижимается холодным лбом к моему.

Не должен! И я тоже!

Он – чужой муж, я – чужая жена. Как мы умудрились всего за три дня стать родными друг для друга?

Но последние проблески здравого рассудка меркнут, когда я осознаю, что хочу почувствовать себя живой, нужной, желанной. И не с кем-либо, а именно со Стасом. Принимаю это, не хочу бороться с собой. Не сегодня.

Хватаюсь дрожащими пальчиками за ткань его рубашки, сминаю, тяну на себя.

Вдох. Рванный выдох.

Впиваюсь в жесткие губы. Жадно, словно от этого зависит моя жизнь. Пробую, запоминаю их вкус, впитываю в себя.

Стас мгновенно перехватывает инициативу. Углубляет поцелуй, буквально пожирая меня. Горячими ладонями скользит по лицу, шее, плечам, груди...

Но вдруг резко останавливается.

Отстраняется, и я едва не падаю в его объятия, но вовремя упираюсь руками в мускулистый торс. Моргаю растерянно, не сводя непонимающего взгляда со Стаса. В его глазах пле-

щется лава, а обжигающие ладони стискивают мою талию.

– А-Лиса, – часто дышит он мне в лицо. – Если ты хочешь остановить меня, то лучше сделай это сейчас. Достаточно будет одного твоего «нет».

Стас издевается сейчас? Так, по его мнению, выглядит свобода выбора? Или он намеренно не оставляет мне ни единого шанса отказаться?

Вместо ответа кусаю губы и шумно выдыхаю. Стас не топчется, ждет моего решения. Как будто сам не чувствует, каким оно будет.

– Не смей, – сипло шепчу, – останавливаться, – уточняю на всякий случай.

Стас смотрит на меня лукаво и чуть заметно усмехается. Я была права: улыбка идет этому суровому мужчине.

Наконец я делаю то, чего желала с нашей первой встречи. Отталкиваю Стаса, но лишь для того, чтобы скинуть с него пиджак. Нетерпеливо расстегнув пуговицы, снимаю рубашку. И провожу руками по рельефным мышцам. Царапаю коготками грубую кожу и еле сдерживаюсь, чтобы не замурлыкать.

С каждым моим невинным движением дыхание Стаса становится все чаще и сбивчивей. Наконец он срывается.

Обнимает меня и подхватывает под бедра, чтобы сделать своей. А я... не собираюсь сопротивляться.

Отвечаю на жадные ласки и растворяюсь в руках Стаса. Чужого мужчины, который хотя бы на одну ночь станет мо-

им.

На следующее утро. Алиса

Томно потягиваюсь, чувствуя окутывающий меня жар мужского тела. Улыбаюсь сквозь дрему: значит, это был не сон.

Нетерпеливые ласки прямо в коридоре, на тумбе. Горячее продолжение в душе. Мне кажется, что все происходило не с нами.

Он – холодный истукан, циничный и расчетливый. Который вдруг просчитался. Я – правильная девушка с высокоморальными принципами. Которые неожиданно низко пали. В эту ночь нас обоих будто подменили.

Вспоминаю объятия, обжигающие поцелуи и... такие взрывоопасные минуты близости. Или часы? От них до сих пор немеет тело, сжимаются пальчики на ногах, а грудь сладко покалывает.

Правда, ощущения несколько омрачают тянущие боли внизу живота. Проклятая подготовка к бесполезному ЭКО дает о себе знать.

«Мы стерильны, А-Лиса, во всех смыслах», – вспоминаются слова Стаса, сказанные в самый «ключевой» момент нашей близости. Когда он оставил во мне свою метку. Заклеймил. Мы были вместе без преград и защиты. Потому что нам это ничем не грозит.

Больно до горечи во рту и одновременно чувственно до

сладостной истомы.

Стас ворочается во сне, по-хозяйски укладывает руку на мою талию и прижимает к себе, одними губами проговаривая мое имя. Мгновенно отвлекает меня от мрачных мыслей. Когда я с ним, вокруг словно купол образуется. Остаемся только мы вдвоем. В вакууме. Отсеченные от всего мира, жестокого и несправедливого.

В голове до сих пор слышится страстное рычание Стаса. «Моя», «не отпущу», «не сбегай» – звучало вчера так искренне, что на тот момент я верила. А по-особенному прозносимое «А-Лиса» сводило с ума.

Впрочем, что только не готовы сказать мужчины, лишь бы получить желаемое. Странно, что в любви не признавался. Наверное, я сдалась быстро. «Отчаянный прием» не пригнулся.

Поднимаю голову и смотрю в умиротворенное лицо Стаса. Он непривычно расслабленный и даже... милый, когда спит.

Лишь сейчас замечаю, что на мне его рубашка. Когда он успел надеть ее на меня? И почему не халат? Словно показать хотел, кому я принадлежала этой ночью.

Не стану себе врать: мне нравится чувствовать мягкий хлопок на голом теле, пропитанный запахом Стаса. Приятно и волнительно просыпаться в его объятиях. Подобные детали даже интимнее, чем то, что происходило ночью.

Позволяю себе маленькую слабость и провожу ладошкой

по мускулистой мужской груди. Разрешаю «испорченной Алисе» понежиться в теплых объятиях. Еще чуть-чуть. Прежде чем оставить Стаса навсегда.

Я взрослая девочка и прекрасно понимаю, что одна ночь с незнакомцем не имеет будущего. Там более, с таким.

Богатый, солидный, самодостаточный, Стас привык брать то, что хочет. И вчера он захотел меня. Небольшая прихоть большого человека, о которой он легко забудет.

Но... я никогда не пожалею об этой ночи. И если отмотать время вспять, поступила бы точно так же.

Отстраняюсь, медленно протягиваю ладонь к лицу Стаса, но пальчики замирают буквально в паре сантиметров от его шершавой, покрытой еле заметной щетиной щеки. Не касаюсь, а вместо этого сжимаю руку в кулачок и убираю прочь.

Нет, разбужу. И останусь. Не смогу уйти...

Аккуратно убираю со своего тела тяжелые руки Стаса, освобождаюсь из порочно-уютного плена. И дыхание задерживаю, как бы трудно это ни было, когда сердце стучит безумно, стремительно разгоняя кровь по венам.

– Лиса, куда? – спросонья бурчит Стас.

Дергаюсь, испуганно всматриваюсь в его лицо. Что за мужчина! Он даже во сне все контролирует!

– В душ, – лгу я молниеносно.

И краснею, вспоминая нашу ночь. Эпизоды близости со Стасом будоражат мое сознание. Хлесткие струи горячей воды, ароматная мыльная пена. И руки Стаса. Всюду.

Шумно выдыхаю и тут же прикрываю рот ладошкой.

– Не сбегай, – повторяет он, не открывая глаз.

Прости, Стас. Но роль любовницы или твари, что уводит мужа из семьи, – не для меня. Не справлюсь.

Но все же...

Не сдержавшись, целую его в щеку. Легко, невесомо. Прощаюсь. И это оказывается большее, чем я думала.

Глупая Алиса, как можно было так быстро привязаться к незнакомцу?

Стаса мой поцелуй успокаивает. Он кивает удовлетворенно и переворачивается на живот, обхватывая руками подушку.

Поднимаюсь медленно и нехотя покидаю постель. Вздрагиваю, когда слышу вибрацию мобильного.

Не моего. Стаса.

Хватаю телефон с тумбочки, чтобы отключить сигнал, но не решаюсь. Сжимаю в руках, гипнотизирую дисплей, на котором большими буквами светится надпись «Жена». Коротко, сухо и холодно. Вполне в стиле Стаса. Фотография стервозной блондинки на иконке не оставляет сомнений, что это именно та девушка, которую я видела с ним в клинике.

К счастью, звонок прекращается сам. Мобильный мигает в последний раз, и я успеваю заметить мелькнувшее сообщение о тринадцати пропущенных вызовах.

Жена потеряла своего мужа. В чужой постели. А ведь ситуация совсем как у нас с Глебом, только теперь я – на месте

любовницы.

Выдыхаю протяжно, но при этом тихо, насколько могу. Подумав, запикиваю мобильный под мою подушку, что пустует сейчас рядом со Стасом. Это хоть немного заглушит жужжание вибросигнала в случае очередного вызова. И даст мне время, чтобы незаметно сбежать, послушавшись приказа.

Судорожно вспоминаю, где моя одежда. Щеки горят смущением, и я сглатываю ком в горле. Ведь белье было разорвано Стасом вчера в порыве страсти. Значит, осталось найти лишь блузку и джинсы.

Подумав, снимаю с себя мужскую рубашку и оставляю ее на краю кровати.

Бросаю прощальный взгляд на Стаса. Пользуясь тем, что он спит, пару секунд бесстыдно рассматриваю сильные руки, грубо обхватившие подушку, голую широкую спину, крепкие, напряженные даже во сне мышцы. Дорисовываю в голове то, что сейчас прикрыто одеялом.

С трудом подавляю нервный кашель и заставляю себя вернуть взор вверх. Скольжу по мощной шее и мускулистым плечам, глубоко расцарапанным мною. Изгибаю губы в смущенной полуулыбке.

Я буду скучать. По чужому мужу.

Соберись, Алиса, и покинь этот номер достойно! Не жалея о содеянном, но ни на что не надеясь. Никогда не рассказывалась в своих поступках, начинать не намерена.

Прошмыгнув в ванную, быстро переодеваюсь. Напослед-

док включая воду в душе на полную, чтобы ее шум перекрыл звук закрывающихся дверей. И усыпил бдительность Стаса.

Беру сумку, снимаю с зарядки телефон и бросаю его внутрь.

На цыпочках, почти бесшумно покидаю номер. Спускаюсь на лифте, нервно теребя лямку. Чувствую себя беглянкой, покидающей место преступления.

Вздыхаю лихорадочно, намереваюсь незаметно преодолеть ресепшн. Но с треском проваливаю миссию. Стоит мне пройти половину холла, как в спину летит знакомый голос администратора.

– Вы одна? Ваш супруг остался в номере? – задает он, на мой взгляд, бестактные вопросы. – Ему что-нибудь нужно?

Морщусь от мерзкого скрипящего звука, который действует на мои и так расшатанные нервы.

Вчерашний «англичанин» окидывает меня оценивающим взглядом, чуть прищуривается. Выглядит не таким подобострастным и интеллигентным, как при Стасе. Неудивительно. Он ведь все понимает. Сколько таких «супругов» повидал! «Девочка на ночь» отработала свое – и может быть свободна.

Смотрит с едва различимым пренебрежением, отчего ощущаю себя грязной. Но вместо того, чтобы осунуться и уползти побитой собакой, я расправляю плечи и вздергиваю подбородок.

– Если моему супругу что-нибудь понадобится, он сам вас

вызовет, – надменно произношу я. – Всего хорошего, – выплевываю ядовито.

Администратор хмурится и сжимает губы. Но мне плевать. Он и так подумал обо мне невесть что. Соответствую! Все равно не собираюсь сюда возвращаться.

С облегчением покидаю слишком роскошный для меня отель «Президент», даже не оглядываюсь. Ловлю первое попавшееся такси и скрываюсь в салоне.

Подумав, называю адрес Глеба. Эта ночь, какой бы противоречивой ни была, помогла мне принять окончательное решение. Соберу вещи – и перееду. Сначала к Лиле, а в ближайшее время сниму квартиру или комнату.

Намереваюсь набрать подругу, но мобильный вдруг вибрирует. Недовольно смотрю на входящий от Андреева, смотрю на циферблат часов: ровно восемь утра. Время, на которое назначено ЭКО. От Глеба. Некогда родного человека, который безжалостно разрубил нашу связь.

– Алиса Игоревна, у вас пункция назначена на восемь. Мы вас ждем, – непривычно добрым тоном говорит врач.

Прикрываю глаза, набираю полные легкие воздуха – и озвучиваю свой нелегкий выбор.

– Роман Александрович, – серьезно и строго произношу я. – Я не приеду. ЭКО не будет.

Повисает тяжелая пауза, во время которой слышу слабые перешептывания. С медсестрой говорит?

– Вы столько всего прошли, Алиса Игоревна. Нельзя оста-

навливаться, когда мы близки к цели как никогда прежде. Вы же хотите детей? – бьет прямиком в солнечное сплетение.

Киваю, но, скорее, сама себе. Радуюсь, что врач не видит моих слез. И попутно отмечаю: Андреев говорит со мной слишком любезно. Он общается обычно так при Глебе.

– Алиса, я понимаю ваше психологическое состояние, но... – продолжает уговаривать.

Ни черта он не понимает! Это ведь не его променяли на быстрые оральные ласки в машине!

Впрочем, теперь мы с Глебом квиты.

Мысленно даю себе оплеуху, со всей силы. Ночь со Стасом не была мстью! Я впервые за последние напряженные месяцы отпустила свои желания – и получила удовольствие, не только физическое, но и духовное. Словно случилось то, что должно было. В тот момент я даже не думала о муже, будто он перестал для меня существовать.

Отрезала «Глебушку», выбросила из своей жизни сразу же после звонка его умелой, но крайне неосторожной и глупой любовницы.

И ничто не заставит меня изменить своего решения.

– Нет! – чеканю зло и собираюсь отключиться.

– Понял, хорошо, – подозрительно быстро соглашается Андреев. – Подождите секундочку, – беспокойно спохватывается. – Клиника заключила с вами договор и теперь несет за вас ответственность. Как минимум вам необходимо приехать сейчас и подписать отказ от проведения процеду-

ры. Кроме того... – зловеще умолкает на секунду. – Вы же помните о риске гиперстимуляции? Возможны отеки, увеличение яичников вплоть до... кхм... Не буду вас пугать, вы же сама умная женщина. Я не имею права оставить вас без наблюдения. Приезжайте на узи, посмотрю на ваше состояние, расскажу, как мягко выйти из протокола... Алиса Игоревна? – зовет взволнованно.

Понимаю, что в его словах есть смысл. К тому же, тяжесть внизу живота не отпускает, будто подталкивает меня к принятию решения.

– Хорошо, я буду где-то через полчаса, – соглашаюсь и вновь слышу тихий шепот. – Но приеду исключительно на узи и консультацию! – бросаю сурово.

– До встречи, ждем вас, – довольно выдыхает Андреев и наконец-то прерывает звонок.

Успеваю «переориентировать» таксиста, направив его в клинику, и в тот же миг телефон разрывается снова. Не глядя на номер, беру трубку. Если это опять настырный Андреев, то пошлю его...

– Я же сказал, не сбегай! – сталью режет голос из динамика.

Глава 7

Стас

Противный звук проникает в голову, жужжит мухой, сверлит изнутри. С трудом разлепляю глаза и первым делом провожу рукой рядом с собой. Хочу почувствовать под ладонью горячий бархат кожи, приобнять изнеженное, податливое тело, зарыться носом в рыжую копну волос. Но вместо этого упираюсь в подушку. Пустую. Ледяную. Совсем слабо отдающую ароматом жасмина. Ее запахом.

Твою ж мать!

Подскакиваю на постели, и сон как рукой снимает. Все-таки сбежала? Не скажу, что удивлен. Этого и следовало ожидать.

Меня интересует другое: почему? Отомстила мужу, а наутро пожалела о содеянном? Или всего лишь смутилась, не поверив в возможность продолжения отношений? Со вторым вариантом разобраться будет проще.

Быстро натягиваю на себя брюки и рубашку. Смятый хлопок пахнет ею. Ухмыляюсь довольно: Лиса хорошо смотрелась в моей рубашке. В моей постели. В моих руках. Гармонично и по-домашнему. Спала умиротворенно после тяжелого, наполненного разочарованием и страданиями, дня.

Больно вспоминать, какой разбитой Лиса была вчера, когда влетела в мой автомобиль на дороге. Растоптанной, об-

реченной, сломленной. Куда-то улетучилась ее дерзость, и взгляд потух.

И все из-за мужа-урода. Как можно обидеть такую женщину? Предать, променять. В то время как она, любящая и на тот момент верная, билась лбом в закрытые двери, подрывала свое здоровье. Пыталась. Снова и снова.

Хрупкая на вид, но сильная духом, боевая. Она твердо знала, чего хочет. Детей. Не потому, что заставили или время пришло. Не потому, что гребаной бизнес-династии нужен наследник. А потому, что сама мечтала, искренне и беззаветно. Истинная женщина.

Уверен, из Алисы получилась бы хорошая мать. Однако приговор врача перечеркнул все ее планы.

Знакомо. И несправедливо.

Лиса заслуживает большего. Далеко не меня, нет. Но я бы попробовал сделать ее счастливее. Насколько это возможно в нашей ситуации.

Нахожу свой мобильный с трудом. Под подушкой Алисы. Специально ведь спрятала. Рыжая зараза! Засовываю телефон в карман брюк, не обращая внимания на пропущенные звонки. Времени нет.

И прислушиваюсь.

Шум воды, доносящийся из ванной, дает мифическую надежду. А вдруг?

Подхожу к двери, барабаню по дереву пальцами. Забыв о правилах приличия, врываюсь внутрь.

Ну, конечно! Никого!

Отвлекающий маневр. Хитрая Лиса! Но не на того нарвалась. Так легко не сбежишь!

Вылетаю в холл, на ходу интересуюсь у администратора, давно ли ушла Алиса.

Меньше получаса назад. Казалось бы, немного. Но иногда и минута может стать решающей.

– Не переживайте. То, что происходит в отеле «Президент», остается в его стенах, – многозначительно тянет администратор мне вслед.

Подозрительно много болтает этот неугомонный. И намеки позволяет себе весьма скользкие. Черт! Наверняка успел и Алисе гадостей наговорить.

– Уволен, – бросаю равнодушно.

Не блефую. Хозяин сети отелей – мой давний друг. Обычно я не злоупотребляю связями, но в данной ситуации делаю исключение. Нечего цеплять мою лисичку.

Пикаю сигнализацией, сажусь за руль бессменного джипа. Выезжаю на трассу и... Не знаю, куда мне двигаться дальше.

На автомате поднимаю вибрирующий мобильный и морщусь.

– Стасик, я так переживала. А ты где пропал? – лицемерно тянет Милана, когда мы оба знаем, какие на самом деле у нас отношения, особенно сейчас. – Я даже в компанию звонила!

– Кажется, мы договаривались не лезть в дела друг друга, – говорю ровно и холодно.

– Прости, милый, я правда волновалась, – щебечет птичкой, а я по Станиславскому не верю. – Подумала, ты в клинику за результатами анализов умчался, – театральный вздох. – В общем, я тут. Хотела застать тебя у Андреева. Заберешь меня?

– Вызови такси, – чеканю строго.

И сразу же отключаюсь.

Нахожу в списке контактов номер, который вчера бесследно украл. Воспользовался рассеянностью Лисы, забывшей мобильный в моей машине. И правильно сделал.

Щелчок. Тихое женское дыхание в динамике. Но ни слова.

– Я же сказал, не сбегай! – зло рычу в трубку.

Не с этого начинать надо было. И не так. Нервы ни к черту!

– Стас? – нежный, подрагивающий голос обволакивает. В нем четко слышится удивление с легким оттенком... радости?

– Ты за рулем? – с беспокойством рявкаю, потому что слышу гул двигателя.

– Нет, – могу поспорить, что Алиса говорит сейчас сквозь улыбку. – Мои права у тебя, а машина вдребезги, – виновато напоминает. – Я на такси.

Не врет. Ламинированная карточка с ее фото все еще лежит во внутреннем кармане пиджака. Изъял и обезвредил.

– Ты где? – интересуюсь я нетерпеливо и осекаюсь, потому что прав на эту женщину не имею. Пока что. – То есть... А-

Лиса, – произношу мягче и слышу шумный выдох. – Давай поговорим?

– Стас, я... не знаю, – мнется она.

Мне понятны ее сомнения. Правильная, принципиальная, она поддалась своим чувствам этой ночью. Переспала с первым встречным. И теперь не понимает, как быть дальше.

«Чуть нежнее, Стас. У меня давно... ничего не было», – мелькает в сознании ее смущенное признание.

Нетронутая. Неискушенная. Только моя. И это до сих пор будоражит кровь.

Дикий огонь в обертке скромности. Хочется раскрывать и поглощать без остатка. Гореть вместе в зеленых языках пламени. До конца дней.

Впервые и только с ней я готов наплевать на все: на цель всей моей жизни, на карьеру, на деньги, на чертов брачный контракт, который я жестко нарушил этой ночью.

Всего три дня с Лисой перевернули вверх дном мой четко выстроенный по кирпичикам мир. Обесценили все, что было дорого мне раньше. Показали, как это – быть живым.

Говорил же ей, не отпущу! Зря не поверила.

– Скажи мне, где ты? – уговариваю, словно ребенка, вот-вот готового сорваться в истерику.

Меняю тактику. По краю хожу, держу свои эмоции в узде. Хотя с Алисой это чертовски сложно.

– Подъезжаю к клинике, – признается чуть слышно.

Ее растерянная фраза стреляет в голову, вышибая мозг.

Вспоминаю, о чем мы говорили с Лисой вчера. И моя уверенность пошатывается.

– Ты решилась на ЭКО? – спрашиваю внезапно охрипшим голосом и с трудом выжимаю из себя: – С мужем?

Умолкаю в ожидании ответа. Весь превращаюсь в слух. От ответа Алисы сейчас зависит многое.

Но в трубке вдруг что-то начинает скрипеть, трещать. Слышится грохот. А потом – тишина.

– А-Лиса? – повышаю голос, однако звонок уже оборвался.

Лишь бы глупая лисичка не вляпалась опять куда-нибудь!

Набираю ее опять. Еще раз. И еще. Чем дольше она не поднимает трубку, тем упорнее грызет что-то внутри. Предчувствие паскудное.

К моему удивлению, перезванивает сама. Смелая Лиса. Не прячет голову в песок. Но...

Говорит со мной холодно, отстраненно. Словно ее подменили. Произносит слова, которых я боялся больше всего. Чувствую себя так, будто в душу нагадили. И самое убийственное то, что Лиса права...

– Я тебя слышал, – все, что могу выдать в ответ. Сдержанно и негромко.

Не отключаясь, со всей дури впечатываю мобильный в приборную доску, буквально размазывая несчастный гаджет по поверхности. Детали разлетаются по салону.

Все-таки наша ночь была всего лишь мстью. Интересно,

Лисе стало легче?

Выкручиваю руль и направляюсь к клинике. Наверное, я мазохист, но в глаза ее хочу посмотреть! В последний раз.

Глава 8

Алиса

– Ты решилась на ЭКО? С мужем?

Вслушиваюсь в бархатный баритон, не до конца осознавая, что происходит. Не верю, что сейчас, на той стороне линии, действительно Стас. Зачем я ему?

От растерянности и шока я не сразу вникаю в смысл его вопроса. Брошенного резко, с плохо скрываемой злобой.

ЭКО с Глебом? Как Стасу вообще такая мысль в голову прийти могла? Я ведь рассказывала, что произошло между нами! Хотя вряд ли он меня слушал. Его мозг был сосредоточен на другом вчера. Ни к чему ему проблемы и переживания случайной любовницы.

Но все же... хочется сказать Стасу правду. Как будто она имеет значение.

– Кхм, – неуверенно откашливаюсь.

И как раз в этот момент такси паркуется напротив клиники. Зажав трубку между плечом и ухом, расплачиваюсь с водителем. Открываю дверь, киваю на прощание. От легкого движения мобильный вдруг выскальзывает, падает, ударяется об мою коленку. Прodelав кульбит, вылетает из салона и скачет по асфальту, словно мячик. Довольно далеко.

Морщусь, сжимая губы, и шумно выдыхаю через нос. Покидаю такси, взглядом ищу «сбежавший» телефон, но упи-

раюсь в брендовые туфельки на шпильке и бесконечные ноги, обтянутые капроновыми колготками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.